ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Современная Россія

Изданіе „Союза русскихъ соціальдемократовъ"

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза русскихъ соціальдемократовъ"
1898

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ*)

Экономическое развитіе, соціальныя и политическія противорѣчія, рабочее движеніе и соціальдемократія.

I.

Почти полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій царизмъ, просвѣщенный военнымъ разгромомъ, сознал необходимость ломки стараго строя и взялъ на себя задачу, разбивъ рамки крѣпостного общества на основѣ натуральнаго хозяйства, слить зарождавшееся внутри страны товарное производство съ широкимъ потокомъ всемірнаго капитализма. Вынужденный силой обстоятельствъ идти на встрѣчу требованіямъ экономическаго развитія страны, царизмъ, актомъ освобожденія крестьянъ и послѣдовавшими затѣмъ реформами, въ послѣдній разъ съигралъ прогрессивную роль. Но, содѣйствуя экономической революціи внутри общества, царизмъ неизбѣжно вызывалъ къ жизни новыя соціальныя силы, носителей различныхъ классовыхъ интересовъ слагающагося общества, и съ этими интересами, съ ихъ борьбой онъ отнынѣ долженъ былъ считаться. Но приспособиться къ новымъ условіямъ, не поступившись притомъ собственнымъ всевластіемъ, было не такъ-то легко: только-что утративъ все обаяніе военнаго престижа, вынужденный содѣйствовать экономической европеизаціи общества, связанной съ ослабленіемъ традиціонныхъ узъ бюрократической опеки, царизмъ терялъ подъ ногами почву; отсюда двойственная, колеблющаяся политика Александра II.

Революціонное движеніе 70-хъ годовъ, завершившееся

*) Эта брошюра, написанная въ 1897 г., первоначально предназначалась для изданія въ нѣмецкомъ переводѣ. Къ сожалѣнію, обстоятельства не дозволили автору закончить, для нашего изданія, свою талантливую характеристику современной Россіи обозрѣніемъ событій послѣдняго года. Будемъ надѣяться, что онъ пополнитъ этотъ пробѣлъ при первой возможности. *Редакція.*

событіемъ 1-го марта 1881 г., поставивъ царизмъ въ необходимость бороться за свое существованіе, содѣйствовало выходу его на ту дорогу, которая отнынѣ одна только могла обезпечить его дальнѣйшее сохраненіе. Съ воцареніемъ Александра III, послѣдовательная реакція смѣнила нерѣшительную политику предшествовавшаго 25-лѣтія. Но, не смотря на свои дикія замашки, эта реакція не могла быть вторымъ изданіемъ николаевскаго режима; совершенно иныя соціальныя условія придали ей скорѣе тѣ типическія черты, которыми характеризовался абсолютизмъ Наполеона III и Бисмарка. Въ виду экономической революціи, совершившейся въ Россіи въ послѣдніе 25 лѣтъ, царизмъ долженъ былъ, чтобы не погибнуть, поставить себѣ новую задачу, невѣдомую для патріархальнаго самодержавія Николая I. Царизмъ не могъ вытравить тѣ общественныя противорѣчія, которыя были порождены этой экономической революціей, не могъ потому, что соціальная европеизація страны была неизбѣжна для сохраненія его собственной опоры, — военно-бюрократич. государства.

Задача состояла въ томъ, чтобы борьба матеріальныхъ интересовъ, носителями которыхъ являлись отдѣльные соціальные элементы, не выходила за предѣлы чисто экономической борьбы, чтобы не допустить ее облечься въ политическія формы, обобщающія стремленія отдѣльныхъ соціальныхъ группъ и отливающія ихъ въ законченные классы; матеріальные интересы должны были явиться въ этой борьбѣ совершенно обнаженными, лишенными всякаго идеологическаго покрова; или точнѣе, *одна* идеологія должна была покрыть эту борьбу, — идеологія *протекціонизма* въ широкомъ смыслѣ слова. Каждый матеріальный интересъ долженъ былъ ждать своего удовлетворенія отъ центральной власти; каждый вновь слагающійся соціальный элементъ — ждать отъ этой власти распространенія на него лучей тепла и свѣта покровительства*). Открытая борьба обществен-

*) Въ одномъ изъ засѣданій пр[illegible] торгово-промышленнаго съѣзда въ Н[illegible], въ

ныхъ силъ должна была быть сведена до минимума и замѣниться почтительнымъ отношеніемъ каждой изъ нихъ къ верховной власти, и каждая изъ нихъ должна была мотивировать свои просьбы интересами самой власти. Общественныя силы должны распасться на составные элементы, общество должно быть атомизировано и каждый атомъ непосредственнымъ узломъ связанъ съ центромъ. Но въ то время, какъ при болѣе или менѣе свободныхъ условіяхъ политической жизни, отдѣльные интересы мелкихъ соціальныхъ подгруппъ, взаимно уравновѣшиваясь, поглощаются общими интересами цѣлаго класса, проявляющимися въ утонченной политической формѣ, въ то время, какъ свободная борьба различныхъ классовъ приводитъ отдѣльные слои даннаго класса къ необходимости поступиться своими частными минутными интересами въ виду болѣе общихъ и постоянныхъ классовыхъ интересовъ, и классовая борьба можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, принять такой благообразный видъ, какой она носитъ въ современной Англіи Гладстоновъ и Бернсовъ, — политика, проводившаяся Наполеономъ III, Бисмаркомъ и современнымъ русскимъ царизмомъ, напротивъ того, ведетъ къ разнузданію эгоистическихъ инстинктовъ, къ тому, что каждая котерія экономически господствующихъ классовъ выступаетъ съ беззастѣнчи-

---

такихъ наивныхъ словахъ характеризовалъ идеологію данной системы. Ему, сказалъ онъ, отдѣльныя отрасли хозяйственной дѣятельности націи представляются многочисленными дѣтьми добраго родителя, къ которому каждое протягиваетъ рученки съ крикомъ: „папа, дай!“ Какъ извѣстно, на этомъ съѣздѣ была принята резолюція въ пользу отмѣны таможенныхъ пошлинъ на земледѣльческія орудія. Партія крупныхъ промышленниковъ, испугавшись этой демонстраціи, обратилась къ министру Витте съ просьбой не давать ходу этой резолюціи. Въ своемъ отвѣтѣ делегаціи, г. Витте, нахально инсинуируя на счетъ „не патріотизма“ враговъ протекціонизма, заявилъ, что правительству нѣтъ дѣла до мнѣнія съѣзда о желательныхъ мѣрахъ. Съѣздъ долженъ только формулировать нужды разныхъ отраслей производства (въ данномъ случаѣ „земледѣлія“, т. е. землевладѣльцевъ), правительство же позаботится пріисканіемъ мѣръ для распространенія и на эту область покровительства въ той или иной формѣ.

вымъ требованіемъ удовлетворенія своихъ частныхъ интересовъ; каждая клика эксплуататоровъ требуетъ легализированія самыхъ необузданныхъ пріемовъ эксплуатаціи. Тщательно оттѣсняемая отъ политической сферы, борьба матеріальныхъ интересовъ принимаетъ тѣмъ болѣе яростный характеръ; правительство, ставящее себѣ цѣлью не допускать ее превратиться въ политическую борьбу, осаждаемое все болѣе настойчивыми требованіями тѣхъ классовъ, которыхъ экономическая эволюція выдвигаетъ на первый планъ и снабжаетъ сознаніемъ собственной силы, — вынуждено снимать всякія преграды, стоящія на пути эксплуатаціи ими всей націи, вынуждено всецѣло отдаться въ руки этихъ котерій. По мысли идеологовъ и утопистовъ этой системы, — а ея геніальные практики, Наполеоны и Бисмарки, были въ тоже время ея утопистами — ея основнымъ принципомъ должно быть распространеніе благъ покровительства на всѣ соціальные слои такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не искалъ осуществленія сознанныхъ имъ интересовъ внѣ рамокъ этой системы, а между тѣмъ, полное стѣсненіе и подавленіе политической жизни падаетъ всею тяжестью только на демократическіе слои общества, оставляя сильнымъ экономически группамъ возможность оказывать закулисное вліяніе на ходъ политики, превращая послѣднюю въ орудіе соединенной клики „сливокъ“ эксплуататоровъ всѣхъ сортовъ. Равновѣсіе, которое является цѣлью системы, достигается, но въ видѣ примиренія различныхъ фракцій господствующихъ классовъ на почвѣ вящей эксплуатаціи остальной массы населенія, — и эта послѣдняя толкается въ сторону политической оппозиціи. Политика, ставящая себѣ цѣлью атомизированіе общества, достигаетъ сплоченія почти всѣхъ соціальныхъ элементовъ въ одну оппозиціонную массу. И это превращеніе „внѣклассовой“ политики въ ея противоположность, это эскамотированіе всевозможныхъ политикъ „соціальнаго цезаризма“, штатсъ-соціализма и т. п. совершается тѣмъ быстрѣе и неизбѣжнѣе, что общее развращеніе поражаетъ тотъ самый

полицейскій аппаратъ, посредствомъ котораго система должна проводиться въ жизнь. Испорченность въ рядахъ бюрократіи характеризуетъ эпоху Наполеона III и Бисмарка, какъ и современныхъ Романовыхъ.

Первыми шагами правительства Александра III, на ряду съ искорененіемъ гидры революціи и свободы мысли, было нѣсколько мѣръ такъ-называемой „народнической политики", соблазнившихъ въ свое время не мало мелко-буржуазныхъ филистеровъ. Поскольку эта политика проявилась въ фабричномъ законодательствѣ, — о ней рѣчь будетъ ниже, главнымъ же ея полемъ было крестьянство, среди котораго въ началѣ 80-хъ годовъ проявилось волненіе, выразившееся на югѣ и юго-западѣ въ формѣ антисемитическихъ безпорядковъ, а въ центральной Россіи — въ видѣ массового отказа отъ выполненія арендныхъ договоровъ съ помѣщиками (въ губерніяхъ Тамбовской и Воронежской). Въ этой сферѣ политика царизма состояла, съ одной стороны, въ активномъ содѣйствіи отведенію бурнаго теченія въ русло религіозной расовой вражды, съ другой — въ облегченіи прямыхъ податей и устройствѣ такъ-называемаго „Крестьянскаго банка". Первая изъ этихъ мѣръ, диктовавшаяся необходимостью, послужила началомъ еще не завершившагося процесса приспособленія финансовой системы къ требованіямъ капиталистическаго общества; отмѣненные прямые налоги съ избыткомъ возмѣщены все растущими косвенными; учрежденіе Крестьянскаго банка повело къ ускоренію процесса дифференцированія въ средѣ крестьянства и въ тоже время облегчило прогорѣвшимъ землевладѣльцамъ ликвидацію своихъ имѣній, спросъ на которыя былъ поднятъ ссудами банка покупателямъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, эта мѣра „народной политики" соприкасалась съ самою сутью основной тенденціи современнаго абсолютизма: она являлась поддержкой соціальнаго элемента, бывшаго его опорой въ прежнее время и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовала внѣдренію въ самыя глубины деревни новаго соціальнаго элемента — широкаго основанія великой буржуаз-

ной пирамиды. Мудрено-ли, что эта мѣра, не смотря на испугъ ультра-феодаловъ, увидавшихъ въ ней „соціалистическое начало“, была принята всѣми восторженно, и революціонный терминъ „народникъ“ сталъ вдругъ респектабельнымъ и ультра-лойяльнымъ.

Отдавъ необходимую дань „народнической политикѣ“, царизмъ увѣренно пошелъ по дорогѣ прямого покровительства. Дворянскій банкъ, учрежденный одновременно съ Крестьянскимъ, предоставивъ землевладѣльцамъ кредитъ на гораздо болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ даваемый Крестьянскимъ банкомъ, выбросилъ сотни милліоновъ изъ народнаго кармана для удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ благороднаго сословія. Правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ, изданныя одновременно съ первыми „..брачными законами, установили уголовную отвѣтственность за нарушеніе батраками договора и легализировали крѣпостной характеръ ихъ эксплуатаціи. Новый законъ о земскихъ учрежденіяхъ (89 г.), новый избирательный цензъ значительно ослабилъ представительство болѣе демократической группы и утвердилъ гегемонію дворянства въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, а съ созданіемъ должности земскихъ начальниковъ, эксплуатація крестьянъ землевладѣльцами получила значительную поддержку въ цѣломъ корпусѣ мелкихъ царьковъ, являющихся по отношенію къ крестьянамъ самой широкой и почти безконтрольной властью. Годомъ позже новое положеніе о муниципальныхъ учрежденіяхъ отдало городское управленіе въ руки торгово-промышленной и домовладѣльческой олигархіи. Всѣ формы покровительства были къ услугамъ капиталистовъ: поощреніе картелей, запретительныя пошлины, законы о стачкахъ рабочихъ, проведеніе путей сообщенія на средства плательщиковъ налоговъ, почти абсолютная свобода капиталовъ отъ обложенія, „благодѣянія кредита“.

И, распредѣляя всѣ эти блага, бюрократія норовила во всемъ захватить себѣ львиную долю: давая въ мѣстномъ управленіи преобладающее значеніе дворянству, и

плутократіи, она въ тоже время съуживала права общественныхъ органовъ и расширяла опеку мѣстной администраціи; у „вредныхъ“ классовъ общества одна за другой отнимались „вольности“, добытыя въ предшествующее 25-лѣтіе: судъ присяжныхъ былъ искалѣченъ, изъ его вѣдѣнія изъята значительная часть дѣлъ, цензура свирѣпствовала, свободы преподаванія не существуетъ, все подъ контролемъ и подозрительнымъ надзоромъ бюрократіи, которой, цѣлымъ рядомъ законовъ и изъятій, обезпечена полная безнаказанность.

И вотъ, въ то самое время, когда эта политика стала приносить самые пышные плоды, когда франко-русскія оргіи въ Кронштадтѣ ознаменовали ея внѣшній успѣхъ, а величайшимъ, по словамъ сикофантовъ русскаго капитализма, актомъ всего царствованія — таможеннымъ тарифомъ 91 г. — протекціонизмъ провозгласилъ свое полное торжество, въ то время, какъ проявленія революціоннаго движенія затихли и царизмъ кровавыми расправами на окраинахъ Сибири безнаказанно истреблялъ жертвы политической борьбы, — въ этотъ моментъ полнаго торжества слухъ побѣдителей былъ пораженъ звуками той отходной, которую пропѣвалъ ихъ господству историческій рокъ. Это былъ голодъ 1891-1892 гг.

Основная причина того экономическаго кризиса, который въ эти несчастные годы принялъ такой острый характеръ, лежитъ въ той неминуемой, при данныхъ историческихъ условіяхъ, быстротѣ, съ которой должно было въ Россіи совершаться превращеніе полупатріархальнаго общества въ общество капиталистическое съ соотвѣтствующей организаціей государства. Разнузданная классовая политика 80-хъ годовъ, руководимая хищной бюрократіей, ускорила темпъ, которымъ страна шла на встрѣчу экономической катастрофѣ, и довела до ужасающихъ размѣровъ предѣлы послѣдней. Катастрофа предсказывалась давно теоретиками и статистиками, аграрный вопросъ не сходилъ въ теченіе 30 лѣтъ съ очереди и дебатировался въ прессѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ ученыхъ обществахъ и

правительственныхъ коммиссіяхъ, но — странное дѣло! всемогущее правительство оказывалось совершенно безсильнымъ всякій разъ, когда надо было осуществить какой-нибудь палліативъ, могущій облегчить „муки родовъ“ и смягчить бѣдствія земледѣльческаго класса, оказывалось безсильнымъ способствовать поднятію его производительныхъ силъ. Всякая положительная реформа требовала облегченія той кабалы, въ которой находилось все трудящееся населеніе, требовала ограниченія хищныхъ пріемовъ эксплуатаціи, и правительство останавливалось передъ этой задачей при первомъ же гулѣ недовольства высшихъ классовъ. Деморализованный бюрократическій аппаратъ отказывался служить самому правительству, и послѣднее не могло даже знать настоящаго положенія дѣлъ въ странѣ: на цыфры и факты деликатно набрасывался флеръ, а черезъ-чуръ откровеннымъ людямъ, пытавшимся поднять завѣсу, вовсе неделикатно зажимали рты. Статистика стала подозрительной наукой. Рязанское земство (а также Курское), управляемое дворянской партіей, сожгло цѣлое изданіе своего статистическаго бюро, полное цѣнныхъ свѣдѣній, рисовавшихъ объективную картину положенія крестьянства. Политика, ставившая своей задачей сохраненіе старыхъ политическихъ формъ путемъ приспособленія ихъ къ требованіямъ экономическаго развитія, попавъ въ зависимость отъ соединенной клики монополистовъ всѣхъ сортовъ, стала тормазомъ на пути экономическаго развитія, сдѣлала невозможнымъ мало-мальски успѣшный ростъ производительныхъ силъ.

Русская либеральная оппозиція обыкновенно всего менѣе склонна видѣть въ „нищетѣ“ революціонную сторону. Однако, на этотъ разъ всѣ прогрессивныя фракціи сошлись въ надеждахъ на то, что экономическая катастрофа послужитъ „началомъ конца“, какъ выразился покойный Степнякъ. Фраза о томъ, что голодъ будетъ второй Крымской кампаніей, была у всѣхъ на устахъ. Либералы воображали, что правительство сознаетъ свою „ошибку“ и „призоветъ“ средніе классы

къ управленію. Сангвиники революціоннаго лагеря ожидали повсемѣстнаго крестьянскаго бунта, на подобіе бунтовъ Разина и Пугачева, бунта, которому на встрѣчу пойдетъ новое, на этотъ разъ побѣдоносное движеніе революціонной партіи. Пишущему эти строки приходилось слышать въ кружкахъ революціонной молодежи рѣчи о томъ, что революціонная партія должна быть вполнѣ готова къ тому, чтобы встать во главѣ несомнѣнно имѣющаго наступить въ лѣто отъ Р. Х. 1892-ое повсемѣстнаго движенія мужиковъ на столичные центры.

И либеральные филистеры, и революціонные сангвиники обманулись въ ожиданіяхъ. Революціонная сторона экономическаго краха не сказалась ни въ просвѣтленіи эксплуататоровъ, ни въ повсемѣстномъ возстаніи эксплуатируемыхъ. Надежды какъ либераловъ, такъ и революціонеровъ на то, что правительство захлебнется въ финансовыхъ затрудненіяхъ, также оказались тщетными, и въ 1893 г. финансовый „геній“ Витте уже сводилъ бюджетъ безъ дефицита и сконфузившійся было царизмъ гордо поднялъ свою голову.

Но le roi est mort—vive le roi!*) Когда волненіе, поднятое голоднымъ годомъ, улеглось, и жизнь стала входить въ обычную колею, мало по малу стало обнаруживаться, что этотъ годъ не прошелъ даромъ. Въ разныхъ сферахъ общественной жизни стало проявляться оживленіе заглохшихъ теченій, стало замѣчаться зарожденіе совершенно новыхъ явленій. Прошло нѣсколько лѣтъ, и теперь ни для кого — всего менѣе для правительства — не тайна, что въ странѣ происходитъ серьезное броженіе.

Два момента слѣдуетъ различать въ этомъ возбужденіи общественной жизни: либеральное движеніе „образованныхъ классовъ“, съ одной стороны, рабочее движеніе — съ другой.

---

*) Король умеръ — да здравствуетъ король!

II.

Либеральная и демократическая оппозиція.

Политика современнаго русскаго царизма преслѣдуетъ, какъ мы указывали, классовые интересы землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Однако, эти два класса не въ равной мѣрѣ пользуются благами покровительства и — что особенно поучительно — то самое правительство, которое поставило задачей и девизомъ своей политики возстановленіе значенія „благороднаго сословія", на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе служитъ матеріальнымъ интересамъ крупныхъ буржуа, чѣмъ землевладѣльцевъ. На долю дворянства гораздо болѣе выпадаетъ почета и ласки, а самые жирные куски летятъ въ ротъ капиталистовъ, и въ то время какъ буржуазія усилилась и окрѣпла за послѣднее пятнадцатилѣтіе и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе увѣренный тонъ класса, чувствующаго себя политической силой, дворянству всѣ сотни милліоновъ дешеваго кредита оказались не въ прокъ, его экономическая роль падаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ обращеніяхъ къ центральной власти, оно переходитъ отъ жалобнаго языка нищенствующихъ паразитовъ къ наглѣйшимъ требованіямъ легальнаго расхищенія въ его пользу государственныхъ финансовъ; но увы! эта дерзость отчаянія, это минутное возбужденіе попрошайки, который при болѣе холодномъ отказѣ готовъ скинуть шапку и просить „хотя что-нибудь", оставивъ всякія фразы о своихъ правахъ. Все болѣе выясняется необходимость ликвидированія хозяйства, ведущагося на основаніяхъ, завѣщанныхъ добрымъ старымъ временемъ и замѣны его капиталистическимъ, замѣны, требующей, въ виду современнаго всемірнаго земледѣльческаго кризиса, все болѣе солидныхъ капиталовъ и знаній и становящейся все затруднительнѣе для опутанныхъ долгами дворянъ. Правительство все чаще начинаетъ отмахиваться отъ назойливыхъ просьбъ гг. дворянъ, начинаетъ намекать на то, что его единственной помощью можетъ быть облегченіе неудачнымъ

хозяевамъ способовъ покончить со своимъ хозяйствомъ. Эта цѣль имѣлась въ виду при дарованіи, по манифесту 94 г., субсидіи Крестьянскому банку для скупки задолженныхъ имѣній и продажи ихъ крестьянамъ. Ультра-феодалы видѣли въ этомъ шагѣ къ демократизаціи земельной собственности, къ экспропріаціи „благороднаго дворянства“. Въ наше время всѣ признаютъ, что новая мѣра выгодна для землевладѣльцевъ: банкъ покупаетъ *по очень выгодной для продавцевъ цѣнѣ*. Во всякомъ случаѣ, интересы дворянъ, какъ класса и сословія, нисколько ею не удовлетворены.

Истекшій годъ богатъ попытками землевладѣльческаго класса добиться новой помощи отъ казны, но всѣ онѣ встрѣтили довольно слабый откликъ. Въ созванномъ при министерствѣ земледѣлія совѣтѣ представители помѣщичьихъ интересовъ были осмѣяны служителями жел.-дор. буржуазіи, не пожелавшей согласиться на удешевленіе провозныхъ тарифовъ на продукты сельского хазяйства. Отъ правительственныхъ чиновъ имъ пришлось выслушать намекъ, что лучшее средство — „самопомощь“... а легко-ли помириться съ этимъ, когда крупная буржуазія ни въ чемъ не видитъ себѣ отказа? Неудивительно, поэтому, что дворянство, отстаивая свои классовые интересы, иногда заговариваетъ тономъ оппозиціи, и въ истекшемъ году два органа консервативнаго лагеря, „*Гражданинъ*“ и „*Петербургскія Вѣдомости*“, подверглись административной карѣ.

Поскольку высшая часть дворянства непосредственно эксплуатируетъ государственную машину, поскольку его наиболѣе богатая часть соединяетъ въ своихъ рукахъ земледѣліе и обрабатывающую промышленность (сахароваренiе и винокуреніе) и, такимъ образомъ, пользуется выгодами „поощренія національной промышленности“, постольку эта часть является безусловной опорой господствующаго режима. Поскольку провинціальное дворянство *держится за свои сословныя привилегіи* въ земскомъ самоуправленіи и умѣетъ ихъ эксплуатировать для держанія въ уздѣ арендаторовъ и батраковъ, оно

въ своей большей части тѣсными узами связано съ царизмомъ. Поскольку оно, тѣмъ не менѣе, ощущаетъ на себѣ послѣдствія земледѣльческаго кризиса, оно выступаетъ со своими аграрными вожделѣніями, слишкомъ циничными и реакціонными, чтобы они могли слиться съ требованіями другихъ недовольныхъ классовъ. Но по мѣрѣ того, какъ правительство обнаруживаетъ все меньшую готовность и возможность пойти на встрѣчу этимъ требованіямъ, а съ другой стороны, выясняется настоятельная необходимость коренныхъ реформъ въ системѣ хозяйствъ, реформъ, немыслимыхъ безъ общаго и широкаго подъема производительныхъ силъ страны, — дворянство начинаетъ выдѣлять элементы, сознающіе важность общихъ реформъ и — вмѣстѣ съ обнаруженіемъ неспособности современнаго режима содѣйствоваеь культурно-экономическому развитію страны — эта часть землевладѣльческаго класса становится способной порвать со своими сословными прерогативами и примыкаетъ къ либеральной оппозиціи. Эта часть дворянства, вмѣстѣ съ землевладѣльцами другихъ сословій, недовольными своимъ неравноправіемъ и частью опираясь на крестьянство, представленное въ земствѣ, составляетъ ядро „земскаго либерализма“.

Другимъ элементомъ политической оппозиціи служатъ такъ-наз. „либеральныя профессіи“. Ихъ матеріальные интересы прежде всего связаны съ широкимъ распространеніемъ капиталистическаго производства, обезпечивающаго спросъ на ихъ знанія; ихъ интересы требуютъ полнаго, всесторонняго развитія всѣхъ высшихъ надстроекъ на экономическомъ фундаментѣ капиталистическаго производства: адвокатуры и свободной науки, прессы и свободной политической арены, создающей классъ политиковъ по профессіи. Матеріальные интересы этого слоя, такимъ образомъ, совпадаютъ съ идеальными интересами капиталистическаго общества. Политическія формы самодержавія, подавляющія всякую открытую общественную жизнь, враждебны интересамъ этого слоя. На него всей своею тяжестью обрушивается

реакціонная сторона политики 80-хъ годовъ, всѣ тѣ мѣры, которыми самодержавіе боролось противъ „революціонной гидры". Ростъ косвенныхъ налоговъ, паденіе курса, растущая дороговизна городской жизни отразились на его экономическомъ благосостояніи, а между тѣмъ, система покровительства, приводя массы населенія въ состояніе вопіющей нищеты, обезпечивая эксплуататорамъ высокія прибыли при самыхъ отсталыхъ пріемахъ производства, сокращаетъ способность народа оплачивать трудъ образованныхъ спеціалистовъ, а крупной промышленности даетъ возможность слишкомъ медленно расширять спросъ на техническія знанія и изобрѣтенія. Къ тому же ведутъ тѣ затрудненія, которыя ставятся правительствомъ распространенію народнаго образованія, и безъ того слишкомъ медленнаго, благодаря бѣдности народа; преслѣдованіе свѣтской школы и насажденіе церковной, стѣсненіе прессы, свободы преподаванія школьнаго и публичнаго, мѣры, направленныя къ обузданію студенчества, подавленіе свободы слова въ тѣхъ немногихъ сферахъ общественной дѣятельности, которыя терпятся правительствомъ (судъ присяжныхъ, земство, муниципалитеты, научныя и экономическія общества), наконецъ, „предохранительныя" административныя мѣры противъ подозрительныхъ элементовъ — въ видахъ искорененія „революціонной гидры" — все это непосредственно ведетъ къ обостренію антагонизма этого класса съ существующей политической системой. Но эта соціальная группа слишкомъ слаба экономически, чтобы составить самодовлѣющую политическую силу въ то время, какъ другіе общественные слои собрались подъ знаменемъ царизма. Отвлеченіе всей массы среднихъ классовъ отъ оппозиціи путемъ потаканія матеріальнымъ вожделѣніямъ, сопровождаемое правительственнымъ терроромъ, лишившимъ „интеллигенцію" главныхъ силъ и разбитіемъ на голову революціонной партіи, повліяли на интеллигенцію 80-хъ годовъ самымъ удручающимъ образомъ. И въ то же время „національная политика" внутри страны явилась средствомъ ея

развращенія и сближенія съ основами господствующаго режима. Началось усиленное вытѣсненіе изъ всевозможныхъ сферъ „инородцевъ“, на первыхъ порахъ самыхъ многочисленныхъ конкуррентовъ — евреевъ, затѣмъ поляковъ, нѣмцевъ, армянъ*).

Если въ настоящее время въ странахъ Западной Европы (особенно во Франціи) создавшееся на почвѣ крайняго развитія капитализма „перепроизводство интеллигенціи“ играетъ не малую роль въ числѣ причинъ, порождающихъ силу антисемитизма, то же явленіе создалось въ Россіи вслѣдствіе искусственнаго стѣсненія спроса на профессіональныя знанія при благосклонномъ содѣйствіи правительства, искусно отводившаго пары „идеализма интеллигенціи“ въ сторону наименьшаго сопротивленія, въ сторону шовинизма и антисемитизма. Національная политика, такимъ образомъ, завершила то, что было начато терроризаціей либерализма, и въ то время, какъ экономически господствующимъ классамъ данъ былъ лозунгъ „обогащайтесь!“ и щедро доставлены средства къ исполненію этого дѣла, либеральнымъ профессіямъ показывались перспективы устраненія особенно опасныхъ конкуррентовъ, взросшихъ по преимуществу въ буржуазной сферѣ и приспособленныхъ къ занятію лучшихъ мѣстъ на жизненномъ пиру. И надъ всѣмъ этимъ — идеологія „національной славы“ съ перспективами „русскихъ задачъ на Востокѣ“, съ панславист-

*) Какъ извѣстно, евреямъ частью вовсе закрытъ, частью ограниченъ доступъ въ учебныя заведенія, а также въ нѣкоторыя свободныя профессіи (адвокатура, фармацевтика, желѣзнодорожная служба, служба въ органахъ самоуправленія). Поляки также въ ограниченномъ количествѣ принимаются въ нѣкоторыя высшія учебныя заведенія, а на своей родинѣ они крайне стѣснены въ пользованіи среднимъ образованіемъ въ виду до нельзя руссификаторскихъ тенденцій учебнаго начальства. Въ литовскихъ губерніяхъ, напр., гимназистъ безпощадно изгоняется изъ школы за разговоры съ товарищами по польски. Сверхъ того, ни одно коммерческое или промышленное предпріятіе, желающее жить въ ладахъ съ правительствомъ, не рѣшится занять значительное число своего наемнаго персонала „инородцами“.

скими мечтами и съ реальными картинками колѣнопреклоненной Франціи у ногъ русскаго царизма и — черезъ франко-русскій союзъ — господство надъ Европой. Шовинизмъ просачивался во всѣ углы „общества“, легкій національный душокъ чувствовался даже въ нѣкоторыхъ прогрессивныхъ и демократическихъ органахъ печати, и значительная часть интеллигенціи становилась лойяльной, а либеральные элементы оставались разрозненными и деморализованными*). Чтобы вызвать къ жизни оппозиціонныя силы, накоплявшіяся внутри упомянутыхъ общественныхъ классовъ, по мѣрѣ того, какъ политика Александра III проявляла свой грубый классовой характеръ, чтобы вырвать эти классы изъ состоянія апатіи, разочарованности и деморализаціи и сгруппировать ихъ въ либеральную оппозицію, представляющую, въ виду царизма, ихъ соединенные интересы — интересы „общества“, нужно было значительное потрясеніе, которое наглядно бы выставило наружу язвы современной Россіи и дало бы лозунгъ для новаго подъема общественнаго настроенія. Такимъ событіемъ и былъ голодъ 1891-92 г.

Ярко и ужасающе наглядно предстала передъ „образованнымъ классомъ“ картина раззоренія массъ населенія, совершенно безпомощнаго передъ стихійнымъ бѣдствіемъ. Общество могло мириться съ медленнымъ, постепеннымъ ходомъ развитія капиталистическаго строя, которое, какъ и вездѣ, совершалось на основѣ обѣднѣнія и пролетаризированія крестьянскихъ массъ. Общество могло восторгаться ростомъ національнаго богатства, развитіемъ внѣшней торговли, путей сообщенія, ростомъ бюджета и пышнымъ расцвѣтомъ военно-бюрократическаго аппарата, могло упиваться „національнымъ самосознаніемъ“, подогрѣваемымъ поднятіемъ престижа

*) Въ 1891 г. на одномъ обѣдѣ по случаю годовщины СПБургскаго университета извѣстный адвокатъ и писатель Спасовичъ былъ освистанъ студентами и присутствовавшей на обѣдѣ интеллигенціей за произнесеніе рѣчи въ смыслѣ сближенія національностей и за свое собственное польское происхожденіе.

Россіи въ „европейскомъ концертѣ"... Общество могло, въ виду всѣхъ этихъ „благъ", мириться съ правительственной политикой, обезпечивавшей, казалось, безболѣзненный, исключающій рѣзкія проявленія классовыхъ противорѣчій ходъ развитія и создавшей спокойную атмосферу, въ которой имущіе классы могли мирно заниматься своими дѣлишками.... но неожиданно познакомиться съ подкладкой этого „мирнаго шествія по пути экономическаго прогресса", получить такой грубый ударъ по нервамъ — c'était trop fort!*) Иллюзіи общаго подъема народнаго благосостоянія, выкупавшаго неудобства политической реакціи, разлетѣлись въ прахъ. Декораціи франко-русскихъ торжествъ и апоѳеозъ абсолютизма, держащаго въ своихъ рукахъ судьбы Европы, слишкомъ эффектно оттѣнялись чисто азіатской катастрофой, которую невозможно было скрыть, которая лѣзла въ глаза своими грубыми красками и заставляла самыхъ ярыхъ шовинистовъ краснѣть передъ Европой. Престижъ правительства сразу пошатнулся, всѣ отрицательныя стороны режима выпукло обозначились при его столкновеніи съ имъ же созданнымъ бѣдствіемъ, когда на глазахъ у всѣхъ бюрократія доказывала свою неумѣлость, бездарность, незнакомство съ настоящимъ положеніемъ дѣла, продажность и корыстолюбіе, не останавливавшіяся передъ расхищеніемъ помощи голодавшимъ и сдѣлками съ хлѣбными спекуляторами при закупкѣ хлѣба для голодныхъ. А между тѣмъ, правительство на время само потеряло часть своего апломба и должно было дать нѣкоторый просторъ дѣятельности самого общества по организаціи помощи. Эти уступки дѣлались крайне неохотно, какъ неизбѣжное зло, и, смотря на нихъ такимъ образомъ, бюрократія пыталась на каждомъ шагу ограничить проявленія общественной самодѣятельности, стѣсняло ея публичность, вмѣшивалось всюду со своей регламентаціей и этимъ достигала раздраженія и возбужденія оппозиціоннаго настроенія въ

*) Это было уже чрезмѣрно.

очень широкихъ слояхъ. И подъ вліяніемъ этого настроенія происходило ознакомленіе съ причинами и размѣрами бѣдствія и легко усваивалось сознаніе, что оно подготовлялось политикой, стѣснявшей до послѣдней степени развитіе производительныхъ силъ народа, путемъ высасыванія всѣхъ его соковъ для поддержки клики монополистовъ и путемъ самой дикой реакціи, ставившей цѣлью сохраненіе народнаго невѣжества и сервилизма. Общество, само терпѣвшее отъ этой политики, задерживавшей развитіе культурной стороны капиталистическаго строя, было вполнѣ расположено выяснить эти причины кризиса и потребовать ихъ устраненія. Народное образованіе и перемѣна экономической политики въ демократическомъ направленіи стали лозунгомъ оппозиціи.

Въ 1892 г. распространившаяся по всей Россіи холерная эпидемія, для которой почва была подготовлена голоднымъ годомъ, вызвала во множествѣ мѣстъ серьезные безпорядки, подобные тѣмъ, которые происходили въ Парижѣ въ 1831 г. Безпорядки эти, сопровождавшіеся насиліями и подчасъ убійствами лицъ медицинскаго персонала, а иногда и администраціи и вообще лицъ высшихъ классовъ, произвели глубокое впечатлѣніе. Послѣдовавшіе за безпорядками военные суды, приговорившіе десятки несчастныхъ къ смерти и къ каторгѣ, показали страшную глубину невѣжества и суевѣрія участниковъ безпорядковъ, глубоко убѣжденныхъ въ своей правотѣ.

Если голодный годъ показалъ обществу пассивную сторону того одичанія народныхъ массъ, на которомъ покоилась политика царизма, ту сторону, которая дѣлала народъ безпомощнымъ въ виду стихійнаго бѣдствія, то холерный годъ обнаружилъ активную сторону невѣжества, грозящую безопасности самого общества. Происходившіе за 10 лѣтъ до этого на югѣ антиеврейскіе безпорядки, тоже сопровождавшіеся насиліемъ и уничтоженіемъ собственности, оказали въ то время терроризирующее вліяніе на имущіе классы. Соціальная

подкладка безпорядковъ, для всѣхъ очевидная, запугала либеральное тогда общество, тѣмъ болѣе, что движеніе сплелось съ расовой и религіозной враждой и приняло мрачный характеръ. Устами одной вліятельной либеральной газеты („Голосъ“), общество воскликнуло: „не надо разнуздывать звѣря!“, обращаясь съ этимъ возгласомъ къ революціонерамъ, ибо общество видѣло ихъ давнишнія попытки возбудить въ народѣ соціальное движеніе, и теперь приписало имъ возбужденіе погромовъ, заключивъ, что соціальное движеніе въ нашемъ народѣ должно неизбѣжно носить этотъ варварскій характеръ. Въ то время эти событія сыграли свою роль въ дѣлѣ разрыва либеральнаго общества съ революціоннымъ движеніемъ, что въ связи съ явно реакціонной политикой правительства вызвало въ либеральной партіи сознаніе полнаго безсилія. Отъ народнаго движенія не ждали ничего путнаго, а инстинкты собственниковъ заставляли мириться съ грубыми пріемами взнузданія, какъ самого „звѣря“, такъ и тѣхъ, кто пытался его расшевелить. Теперь, въ 1892 г., общество должно было убѣдиться, что это взнузданіе сулитъ ему мало хорошаго. „Звѣрь“ былъ взнузданъ въ теченіе многихъ лѣтъ очень хорошо, а между тѣмъ это не обезпечивало имущество и личность тѣхъ членовъ общества, которымъ приходилось жить бокъ о бокъ съ нимъ. Во время холернаго года помѣщики бѣжали въ города, боясь „бунта“. Становилось очевиднымъ, что поднятіе народнаго образованія есть вопросъ самосохраненія для культурнаго общества. Голодъ обнаружилъ низкое, почти первобытное состояніе земледѣльческой культуры, полное отсутствіе техническихъ знаній у народа, чрезвычайную косность въ перениманіи лучшихъ пріемовъ производства и, для громадной массы, неимѣніе средствъ для самыхъ незначительныхъ улучшеній. Приходилось убѣдиться, что продолженіе политики 80-хъ годовъ грозитъ полнымъ застоемъ экономическаго развитія, которое должно было столкнуться съ хроническимъ кризисомъ въ деревнѣ. Заговорили о необходимости широкаго мелкаго кредита,

о правительственныхъ мѣрахъ для содѣйствія переходу крестьянъ къ лучшимъ пріемамъ земледѣлія, о поднятіи домашнихъ промысловъ, распространенія техническихъ знаній и опять-таки о необходимости распространенія грамотности. Политикѣ исключительнаго покровительства крупной буржуазіи, восторжествовавшей въ послѣднее десятилѣтіе, была противопоставлена „демократичекая политика" покровительства мелкому хозяйству. Оба эти вопроса: народное образованіе и содѣйствіе экономическому прогрессу деревни, стали прежде всего обсуждаться въ земствахъ. Не безъ удивленія отмѣченъ недавно тотъ фактъ, что земскія собранія, избранныя на основаніи архиреакціоннаго закона 1889 г., проявившія себя въ самомъ началѣ скандальными закрытіями школъ, хищеніями и небрежнымъ отношеніемъ къ текущимъ дѣламъ, внезапно измѣнили свой характеръ, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ оказались гораздо прогрессивнѣе по своимъ стремленіямъ, чѣмъ ихъ предшественники 80-хъ годовъ, избранные на основаніи болѣе свободнаго закона. Эта перемѣна всецѣло создана тѣмъ возбужденіемъ общества, которое было вызвано голодомъ 91-92 годовъ. Земства стали увеличивать ассигновки на народное образованіе, стали открывать новыя школы, возникли планы организаціи всеобщаго начальнаго образованія. Съ другой стороны, то же движеніе проявилось въ усиленной дѣятельности интеллигенціи по открытію частныхъ школъ, вечернихъ и воскресныхъ курсовъ для городскихъ рабочихъ и крестьянъ, по устройству сельскихъ библіотекъ, популяризаціи научныхъ знаній, изданію дешевыхъ книгъ. Извѣстно, что эта дѣятельность, принявшая значительные размѣры, поддерживаемая прогрессивной прессой, сгруппировалась вокругъ общества, носившаго названіе „Комитета Грамотности".

Если все это движеніе въ земствахъ и внѣ ихъ носило по существу оппозиціонный характеръ протеста противъ патронируемаго правительствомъ невѣжества, то само правительство своими мѣрами постаралось обнаружить, обострить этотъ оппозиціонный характеръ.

Явное несочувствіе, выражаемое мѣстной администраціей по отношенію къ тѣмъ земствамъ, которыя оживленно занимаются мѣрами просвѣтительнаго характера; придирчивый и мелочный, раздражающій надзоръ за попытками частныхъ лицъ открывать школы и т. п.; наконецъ, проявившаяся за послѣдніе годы тенденція водворить въ деревнѣ церковную школу въ ущербъ свѣтской и пропаганда этой школы земскими начальниками, которые всякими правдами и неправдами стараются добиться отъ крестьянъ *отказа въ помѣщеніи* земскимъ школамъ, — такимъ образомъ встрѣтила бюрократія это все растущее движеніе. Наконецъ, чтобы лишить движеніе руководящаго плана, правительство закрыло „Комитетъ Грамотности", но далеко не достигло цѣли, и въ настоящій моментъ движеніе продолжаетъ возрастать и подъ его давленіемъ администрація сама бываетъ вынуждена иногда заявлять о своемъ принципіальномъ сочувствіи дѣлу просвѣщенія народа. Общественное мнѣніе черезъ-чуръ безусловно высказывается въ пользу этого движенія, и правительство, въ лицѣ самого Николая II, выражаетъ готовность сдѣлать „кое-что", но увы! внѣ его воли лежащія причины, дѣлающія его орудіемъ классовой эксплуатаціи, не допускаютъ рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Идея о всеобщемъ начальномъ образованіи останется утопіей до тѣхъ поръ, пока направляемая интересами крупной буржуазіи финансовая политика не оставляетъ и 1 проц. бюджета расходовъ на цѣли культуры, а явная тенденція передать дѣло народнаго образованія въ руки духовенства вызываетъ полное недовѣріе. Вмѣстѣ съ заботами о начальныхъ школахъ, земства устраиваютъ музеи для выставки продуктовъ домашней промышленности, склады для продажи ихъ помимо скупщиковъ, снабжаютъ крестьянъ мелкимъ кредитомъ, содѣйствуютъ кооперативнымъ попыткамъ мелкихъ производителей, предпринимаютъ ирригаціонныя работы, заботятся о введеніи улучшенныхъ орудій и лучшихъ пріемовъ земледѣльческой культуры и т. д. И точно также, какъ, удѣляя значительную

часть своего бюджета на просвѣтительныя цѣли, земства какъ бы подчеркиваютъ контрастъ съ бюджетомъ правительства, удѣляющимъ жалкія крохи на культурныя цѣли, такъ и своими экономическими мѣропріятіями они явно протестуютъ противъ узко-классовой экономической политики государства. Въ этой области они встрѣчаютъ и меньшій отпоръ со стороны центральной власти, ибо необходимость какъ-нибудь смягчить остроту процесса экономическаго развитія послѣ голода 91-92 гг. ясна и для самого правительства. Также и это движеніе выходитъ за предѣлы земства и, группируясь вокругъ немногихъ экономическихъ обществъ, поглощаетъ силы немалаго числа лицъ изъ интеллигенціи. Устраиваютъ ассоціаціи, потребительныя общества, сберегательныя кассы, склады улучшенныхъ орудій и сѣмянъ и проч. Шульце-Деличи разныхъ типовъ растутъ, какъ грибы, то съ піэтистической окраской, то съ бюрократическимъ душкомъ, то съ своего рода соціалистической фразеологіей, — при всемъ своемъ различіи схожіе между собой и со своимъ германскимъ прототипомъ по филистерскому упоенію своими микроскопическими палліативами. И въ этой области всякія начинанія частныхъ лицъ сталкиваются съ вѣчной регламентаціей мѣстныхъ властей, съ отсутствіемъ свободы союзовъ, съ необходимостью, по поводу всякой мелочи, обращаться къ центральному правительству, — короче, работа „интеллигенціи“ на этомъ поприщѣ является школой для обостренія въ ней оппозиціоннаго настроенія.

На почвѣ движенія съ цѣлью поднятія культурнаго уровня народа возникъ рядъ носящихъ явный оппозиціонный характеръ обращеній къ правительству съ ходатайствомъ объ уничтоженіи позорящихъ страну тѣлесныхъ наказаній, которымъ подвергаются милліоны „свободныхъ“ крестьянъ. Въ медицинскихъ и экономическихъ обществахъ, въ прессѣ и, главное, въ земствахъ подымается рѣчь объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Съ обычной безтактностью, присущей реакціи, правительство, отклоняя петиціи въ этомъ смыслѣ, подчеркива-

етъ связь царизма съ господствомъ кнута, а мѣстная администрація старается не допускать даже до обсужденія подобныхъ вопросовъ въ земскихъ собраніяхъ. На этой почвѣ всего болѣе возникаетъ конфликтовъ между земскими органами и бюрократіей. Борьба эта, конечно, вездѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напр., въ Тверской) носитъ хроническій характеръ: почти всѣ постановленія земства пріостанавливаются губернаторомъ, земства протестуютъ, апеллируютъ въ сенатъ и т. п.

Либеральное движеніе, какъ мы указывали, направлено противъ общей политики царизма, въ частности же противъ его экономической политики, отличающейся крайнимъ протекціонизмомъ. Эта экономическая политика, послѣдовательно проводимая въ самыхъ различныхъ формахъ, вызываетъ негодованіе очень широкихъ слоевъ населенія. Правительство открыто протежируетъ синдикатамъ капиталистовъ, само затѣваетъ „нормировки", имѣющія цѣлью поднятіе товарныхъ цѣнъ, наконецъ, устанавливаетъ запретительныя пошлины. Послѣднія въ настоящее время все болѣе возмущаютъ классъ землевладѣльцевъ, вынужденныхъ платить втридорога за земледѣльческія орудія туземнаго производства. Но протекціонная политика вся цѣликомъ, какъ мы говорили, враждебна интересамъ не однихъ только землевладѣльцевъ, и потому послѣдніе въ своей борьбѣ противъ пошлинъ на земледѣльческія орудія пользуются поддержкой „общественнаго мнѣнія", враждебнаго союзу царизма съ плутократіей. Ходатайства объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ являются, такимъ образомъ, нападеніемъ на существующій режимъ. На торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтомъ 1896 г. вопросъ объ уменьшеніи пошлинъ на орудія вызвалъ самую ожесточенную борьбу между капиталистической кликой, предводительствуемой Менделѣевымъ, съ одной стороны, и представителями интеллигенціи и науки, профессорами-экономистами и помѣщиками, — съ другой. Послѣдніе восторжествовали, но правительство

объявило себя на сторонѣ капиталистическаго меньшинства.

Особенный толчокъ приданъ оппозиціонному движенію смертью Александра III въ концѣ 1894 г. Въ надеждѣ на либерализмъ молодого царя земства, студенты, ученыя общества, журналисты, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворянскія собранія и крестьянскія общины, подавали петиціи о реформахъ, причемъ нерѣдко упоминалось объ ограниченіи абсолютизма. Извѣстно, что это движеніе потерпѣло фіаско. Тѣмъ не менѣе, не смотря на усиленіе реакціи послѣ знаменитой рѣчи въ Зимнемъ Дворцѣ, оппозиціонное движеніе, возвратившееся подъ знамя борьбы за народное образованіе и развитіе производительныхъ силъ народа, съ тѣхъ поръ распространяется все шире.

Общественное возбужденіе, отражающееся въ прессѣ, получило въ послѣдней новый импульсъ. Замѣтно растущее рабочее движеніе стало обращать на себя вниманіе „образованныхъ классовъ". Сознаніе безсилія, подавлявшее до тѣхъ „интеллигенцію", чувствовавшую, что ея оппозиціонныя стремленія не имѣютъ поддержки въ народныхъ массахъ, смѣняется теперь нѣкоторой надеждой на то, что въ городскомъ пролетаріатѣ растетъ новый врагъ господствующему режиму. Пока эта новая нотка слышится въ прессѣ крайняго лѣваго лагеря русской „интеллигенціи". Съ удивленіемъ замѣчаютъ, что презираемая до сихъ поръ „городская чернь" самостоятельно выступаетъ на борьбу за свои соціальные интересы, не смотря на гораздо сильнѣйшій гнетъ, чѣмъ тотъ, который въ среднихъ классахъ вызываетъ трепетъ передъ силой царизма. Сталкиваясь на поприщѣ своей просвѣтительной дѣятельности съ низшими классами народа, интеллигенція должна была замѣтить, что въ нихъ растетъ и стремленіе къ образованію, и соціальный и политическій протестъ. Въ прессѣ начинаютъ говорить объ умственныхъ запросахъ и соціальномъ недовольствѣ фабричнаго пролетаріата. Начинаютъ намекать на то, что воздѣйствіе демократической интелли-

генціи на эту „чернь“ можетъ создать первой прочную опору для борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но современный подъемъ рабочаго движенія есть также одно изъ слѣдствій толчка, приданнаго ходу экономическаго развитія страны „голоднымъ годомъ“. Непосредственно предшествовавшіе послѣднему годы были годами сравнительнаго промышленнаго благополучія и отличались отсутствіемъ стачекъ. Голодъ 91-92 гг. вызвалъ, прежде всего, временный застой въ промышленности, для которой весьма важенъ крестьянскій рынокъ, а вслѣдъ затѣмъ выбросилъ на рабочій рынокъ массы свободныхъ рукъ. Хроническій процессъ пролетаризированія крестьянства, выдѣлявшій ежегодно извѣстный контингентъ резервной арміи городскаго рабочаго класса, принялъ теперь острый характеръ: на протяженіи цѣлой половины Россіи каждое лѣто происходитъ передвиженіе сотенъ тысячъ крестьянъ, идущихъ въ южныя степи на работы въ латифундіяхъ и крестьянскихъ фермахъ. Другой потокъ направляется въ центры крупной промышленности. Усиленіе этого потока послѣ голоднаго года отразилось на положеніи фабричныхъ рабочихъ повсемѣстными попытками капиталистовъ уменьшить заработную плату и ухудшить вообще условія найма. Большинство стачекъ носитъ характеръ оборонительный. Тотъ жалкій уровень удовлетворенія потребностей, который установился въ рабочемъ классѣ, подвергся значительной опасности, и рабочіе ясно видятъ неизбѣжность выбора между постояннымъ ухудшеніемъ ихъ положенія и борьбой.

Оппозиціонное движеніе среднихъ классовъ является политическимъ отраженіемъ того противорѣчія между требованіями экономически развитой страны и ея государственнымъ строемъ, которое привело къ экономическимъ катастрофамъ 91-92 гг. Дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ страны несовмѣстимо съ сохраненіемъ политическихъ формъ, которыя, при данныхъ соціальныхъ условіяхъ, могутъ служить только орудіемъ самой хищнической классовой политики. Крупное госу-

дарство, позже другихъ втянувшееся въ потокъ всемірнаго капитализма, не можетъ позволить себѣ роскоши слишкомъ долгаго пользованія всѣми тѣми первобытными способами эксплуатаціи, которые царили на зарѣ капиталистическаго производства во всѣхъ странахъ. Пользуясь результатами промышленнаго прогресса, добытыми столѣтіями экономическаго развитія болѣе передовыхъ странъ, такая отсталая страна должна вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ страхомъ неминуемаго экономическаго краха, обзаводиться и характерными признаками высшей стадіи развитія современнаго капиталистическаго государства: полнымъ уничтоженіемъ всякихъ слѣдовъ крѣпостной эпохи, подоходнымъ налогомъ и начальнымъ образованіемъ, фабричнымъ законодательствомъ и учрежденіями для поддержанія „здороваго крестьянскаго и ремесленнаго сословія" вплоть до катедерсоціалистической школы въ университетахъ. И именно потому, что правящая въ союзѣ съ абсолютизмомъ плутократія не въ состояніи, ставъ выше временныхъ классовыхъ интересовъ, повести страну по этому пути, — политическія формы, обезпечивавшія ея нераздѣльное господство, должны уступить мѣсто болѣе свободнымъ формамъ. Поэтому борьба противъ современнаго режима Россіи есть борьба за устраненіе послѣднихъ препятствій на пути ея превращенія въ современное капиталистическое государство Развитіе народнаго образованія, установленіе гражданской свободы и разрушеніе пережитковъ крѣпостнической эпохи, „демократическія" экономическія реформы въ родѣ широкаго мелкаго кредита и мѣры для поднятія земледѣльческой культуры, — всѣ эти реформы обозначаютъ разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя еще отдѣляютъ деревенскую Россію отъ широкаго русла капитализма, уничтоженіе той „патріархальной" косности, которая тормозила шествіе страны по пути капиталистическаго прогресса.

Передовымъ отрядомъ въ упомянутой борьбѣ является тотъ общественный слой, который всего непосредственнѣе затрогивается недостаточнымъ развитіемъ всѣхъ

сторонъ капиталистическаго строя, — именно „интеллигенція“. Съ другой стороны, этотъ общественный слой, котораго соціальные интересы не связываются съ тѣмъ или инымъ специфическимъ видомъ классового господства*), является наиболѣе пригоднымъ для объединенія различныхъ враждебныхъ современному режиму соціальныхъ элементовъ, наиболѣе „идеальнымъ“ для того, чтобы борьбу за всесторонніе интересы капиталистическаго строя превратить въ борьбу за высшіе идеалы справедливости и культуры.

Въ этой борьбѣ крупная буржуазія, эксплуатирующая въ свою пользу современный государственный строй, является въ сознаніи борющихся, выражаясь словами Маркса, „сословіемъ-поработителемъ par excellence“**). Поэтому, борьба противъ ея исключительнаго господства въ союзѣ съ царизмомъ и высшей аристократіей, борьба, являющаяся, какъ мы видѣли, борьбой за дальнѣйшее развитіе капиталистическаго строя, въ сознаніи самихъ борцовъ представляется борьбой противъ „капитализма“. Движеніе, которое является — въ гегелевскомъ смыслѣ — „дѣйствительнымъ и разумнымъ“ лишь постольку, поскольку содѣйствуетъ устраненію препятствій къ расширенію и упроченію капиталистическаго строя, совершается подъ знаменемъ борьбы противъ „буржуазнаго принципа“ вообще, олицетвореннаго въ правящей кликѣ и правительственной политикѣ. Старая фразеологія, унаслѣдованная отъ періода утопическаго народничества 70-хъ годовъ, всецѣло господствуетъ въ этомъ движеніи, старая идеологія раздѣляетъ въ немъ свое господство съ замѣтными, хотя и стыдливо проникающими типичными формами буржуазнаго мышленія; *фактически* оно столь же мало является борьбой противъ капитализма, какъ не была ею борьба французской „націи“ въ 1848 г. противъ финансовой плутократіи и какъ пораженіе этой плутократіи въ 1848 г. не означало конца

*) См. Neue Zeit, XIII Jahrgang, Kautzky, „Intelligenz und Sozialdemokratie“.

**) По преимуществу.

господства буржуазіи, а наоборотъ, впервые создала условія для господства ея въ цѣломъ*), такъ и грядущая побѣда русскаго „общества" надъ правящей кликой будетъ началомъ чисто буржуазной эпохи въ русской исторіи.

Итакъ, современныя оппозиціонныя партіи въ Россіи стоятъ на почвѣ развивающагося капиталистическаго общества, отстаивая его совокупные интересы. На той же почвѣ слагающагося капиталистическаго общества стоитъ и русская соціальдемократія, опирающаяся на рабочее движеніе. Только въ процессѣ формированія капиталистическаго общества она отшлифовываетъ обратную сторону медали, воспитываетъ и организуетъ носителя культуры капиталистическаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ его могильщика — сознательнаго пролетарія.

III.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи (экономическое, юридическое и соціальное).

Въ исторіи всемірнаго пролетаріата мы напрасно стали бы искать эпоху, столь мало благопріятную для рабочаго движенія, какъ современная Россія. Даже мрачный австрійскій абсолютизмъ первой половины 19-го в., безпощадно подавлявшій въ нѣмецкомъ народѣ всякое проявленіе самостоятельной мысли, далеко не ставилъ такихъ препятствій идейному движенію, какъ современное русское самодержавно-полицейское государство. Чтобы дать читателю представленіе о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ должно развиваться движеніе русскаго пролетаріата, мы должны предпослать очерку нашего рабочаго движенія характеристику положенія самого рабочаго. Мы будемъ кратки, мы будемъ говорить о положеніи русскаго рабочаго лишь поскольку

*) См. Marx, „Die Klassenkämpfe in Frankreich".

это нужно, чтобы понять, въ какія тяжелыя условія поставлено рабочее движеніе у насъ въ Россіи.

Начнемъ съ матеріальныхъ условій положенія рабочаго класса. Когда лѣтомъ 1896 г. было опубликовано сообщеніе правительства объ извѣстной стачкѣ петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ, одинъ либеральный журжурналъ съ удивленіемъ констатировалъ, что въ столицѣ рабочіе въ текстильной промышленности работаютъ 13-13½ часовъ въ сутки. Итакъ, воскликнулъ онъ, въ этой отрасли, наиболѣе процвѣтающей, рабочій день длиннѣе даже обычнаго средняго рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ на цѣлый часъ. Такимъ образомъ, среднимъ рабочимъ днемъ у насъ считается 12-12½ ч. Увы! Эта цифра совершенно фиктивна. Въ текстильной промышленности петербургскіе рабочіе находятся далеко не въ наихудшихъ условіяхъ, ибо многіе рабочіе на фабрикахъ Тверской, Владимірской, Московской губ. работаютъ 14-14½ час. Въ производствахъ кожевенномъ, спичечномъ, сахарномъ, винокуренномъ рабочій день еще длиннѣе. Если оффиціально средней величиной считается 12-12½ час., то эта фиктивная цифра получается потому, что въ обширной металлической и, главнымъ образомъ, машиностроительной индустріяхъ рабочій день формально считается въ 11-12 час. Но за то этотъ короткій рабочій день восполняется сильно развитой сверхъурочной работой, благодаря которой рабочій фактически занятъ 13-16 час. Даже на казенныхъ заводахъ сверхъурочная работа (не всегда за повышенную плату) очень распространена; на частныхъ же заводахъ весьма нерѣдко рабочій, не желающій пользоваться своимъ „правомъ" на сверхъурочную работу, попросту изгоняется. Сверхъурочная работа является почти необходимой при системѣ поштучной платы, царящей въ машиностроительномъ и металлическихъ производствахъ и примѣняющейся въ самой варварской формѣ sweating system*).

---

*) Swea ing-System — система „выжиманія пота" — представ-

При полномъ отсутствіи рабочихъ союзовъ, при полномъ господствѣ единоличнаго договора о наймѣ между „свободнымъ" рабочимъ и капиталомъ, sweating system достигаетъ виртуозности. Передо мной лежатъ таблицы, показывающія паденіе поштучной платы въ теченіе одного года на одномъ машиностроительномъ заводѣ, далеко не худшемъ по условіямъ быта рабочихъ. За одинъ годъ плата упала на 80% (съ 1 р. до 20 к.). Соотвѣтственно поднялась интенсивность*) труда. Мудрено-ли, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ рабочій теряетъ всякую способность къ труду. А между тѣмъ,

---

ляетъ особую форму домашней промышленности, получившую значительное развитіе преимущественно въ крупныхъ городахъ Англіи втеченіе второй половины текущаго столѣтія. Она состоитъ въ слѣдующемъ. Производствомъ руководитъ капиталистъ, крупный торговецъ. Онъ имѣетъ дѣло только съ посредникомъ, т.-наз. sweater'омъ, которому онъ даетъ заказы. Sweater („выжиматель пота") играетъ роль работодателя и непосредственно нанимаетъ рабочихъ, которые большею частью работаютъ у него на дому и которыхъ онъ безпощадно обираетъ. Эта система укоренилась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ отрасляхъ промышлености, гдѣ приготовляется одежда и обувь (портяжное, сапожное производство и т. п.) и характеризуется крайнею степенью эксплуатаціи человѣческой рабочей силы и поразительной нищетой рабочаго населенія. Sweating-system встрѣчается не только въ Англіи, но повсюду въ крупныхъ городахъ Европы. Въ болѣе обширномъ значеніи слова sweating-system означаетъ всякую систему, вызывающую у рабочаго сильное напряженіе при работѣ. Въ этомъ смыслѣ она на практикѣ принимаетъ самыя разнообразныя формы. Напр., до крупной стачки лондонскихъ портовыхъ рабочихъ въ 1889 г. въ лондонской гавани господствовала sweating system, по которой портовые рабочіе обязывались контрактомъ выполнять въ часъ опредѣленное количество работы, за что получали опредѣленную плату. Кому удавалось больше сдѣлать, тотъ имѣлъ право на прибавку. Понятно, что такая система вызывала у рабочихъ сильное напряженіе при работѣ и злоупотребленія со стороны нанимателей при выдачѣ заработанныхъ денегъ, выражавшіяся въ вычетахъ и неуплатахъ.

*) Напряженность. При паденіи поштучной платы рабочій, чтобы удержать свой ежедневный заработокъ на прежнемъ уровнѣ, по необходимости старается, съ одной стороны, дольше работать, съ другой — вырабатывать больше противъ прежняго продуктовъ въ опредѣленное количество времени (напр., въ часъ), — и то, и другое ведетъ къ преждевременной потерѣ способности къ труду.

положеніе рабочихъ въ машиностроительномъ производствѣ безъ сомнѣнія лучше, чѣмъ положеніе ихъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ. Самое безпощадное расточеніе жизни рабочихъ имѣетъ мѣсто на сахарныхъ, винокуренныхъ, химическихъ, кожевенныхъ и т. п. заводахъ, потребляющихъ трудъ, не требующій спеціальной подготовки и поставляемый въ ежегодно растущемъ количествѣ деревнею.

Въ отчетѣ о состояніи русской промышленности, изданномъ *правительствомъ для Чикагской выставки подъ* редакціей Менделѣева, имѣется статья о положеніи рабочихъ, написанная главнымъ фабричнымъ инспекторомъ, Я. Михайловскимъ. Между прочимъ, въ статьѣ этой говорится о жилищахъ рабочихъ и сообщается о весьма употребительномъ типѣ жилищъ, — фабричныхъ казармахъ. Описаніе этихъ казармъ очень идиллично. Разсказывается о просторныхъ „залахъ" для спанья, для принятія пищи и пр. Залы!!! Надо читать объективныя описанія санитарныхъ врачей объ этихъ „залахъ", надо *слышать разсказы рабочихъ о житьѣ въ этихъ помѣщеніяхъ,* годныхъ для скота*), чтобы понять, до чего можетъ дойти наглость слугъ министра Витте. Эти „залы" служатъ очень часто очагами всякихъ эпидемій. Въ статьѣ говорится, что такія помѣщенія „предпочитаются" самими рабочими. На самомъ же дѣлѣ они предпочитаются капиталистами, которымъ очень удобно имѣть рабочихъ у себя подъ бокомъ, что обезпечиваетъ меньше прогуловъ и весьма часто даетъ недурной доходъ, такъ какъ фабриканты взимаютъ обыкновенно изрядную плату. Но *самая тяжелая сторона этихъ жилищъ,* это — постоянный надзоръ надъ рабочими, который, если фабрикантъ не лишенъ классового само-

---

*) Во время обыска, производившагося жандармами въ одномъ изъ такихъ помѣщеній, одинъ жандармскій офицеръ спросилъ рабочихъ: „какъ это можно жить въ такой атмосферѣ?" и получилъ въ отвѣтъ, что это еще не худшая комната въ данномъ зданіи. Между тѣмъ, дѣло происходило на фабрикѣ одного милліонера, прославленнаго прессой за свои „благодѣтельныя учрежденія".

сознанія, превращаетъ жизнь рабочихъ въ вѣчное рабство. Книги, ими читаемыя, подвергаются осмотру. Недавно въ одномъ журналѣ разсказано о томъ, какъ рабочіе, жившіе въ подобномъ помѣщеніи, подверглись всякимъ непріятностямъ, допросамъ, обыскамъ и проч. за то, что сообща читали.... романъ Шпильгагена! Въ концѣ концовъ имъ запретили совмѣстно читать что бы то ни было. Въ 1893 г. въ Москвѣ произошла стачка нѣсколькихъ сотъ рабочихъ въ складѣ милліонеровъ-чаеторговцевъ К. и С. Поповыхъ. Рабочіе возстали противъ ужаснаго регламентированія ихъ жизни, приправленнаго въ этомъ случаѣ всѣми прелестями капиталистическаго ханжества. Рабочій не имѣлъ права отлучаться изъ дому позже 9 час. веч., былъ окруженъ мелочнымъ надзоромъ и за все это получалъ въ праздничные дни поповскую бесѣду и... уроки музыки для развитія эстетическаго вкуса. Рабочіе согласились взять назадъ свои требованія о прибавкѣ платы, но отстояли устраненіе этого тюремнаго режима.

Извѣстны грандіозныя прибыли русскихъ фабрикантовъ, избавляющія ихъ отъ необходимости слѣдить за техническимъ прогрессомъ. Въ сущности, русскіе фабриканты почти не знаютъ тѣхъ безпокойствъ, которыя влекутъ за собою колебанія рынка. Для поддержанія обычнаго уровня прибыли въ самыя плохія времена у нихъ подъ рукой множество средствъ. Рабочіе совершенно безпомощны передъ всякой попыткой сбавить плату или увеличить рабочее время. Но всего чаще пускаются въ ходъ всякаго рода вычеты, браковка товара по самымъ призрачнымъ поводамъ,*) увеличеніе платы за наемъ помѣщеній, обвѣшиваніе и обмѣриваніе при сдачѣ продукта — все годится. Одно изъ главныхъ требованій русскихъ рабочихъ — выборъ делегатовъ при сдачѣ и оцѣнкѣ приготовленнаго продукта — повсюду упорно отвергается: капиталисты не желаютъ допустить перваго

---

*) Товаръ бракуютъ только въ томъ смыслѣ, что лишаютъ за него платы, а самъ онъ идетъ въ дѣло.

шага на пути къ установленію равноправныхъ отношеній между участниками „свободнаго договора“.

Что въ частныхъ предпріятіяхъ является слѣдствіемъ погони за барышами, въ казенныхъ заводахъ вытекаетъ изъ стремленія къ „экономіи“. Расточая милліоны государственныхъ доходовъ на разныя синекуры, поощряя спекуляціи подрядчиковъ, русское правительство за послѣднее десятилѣтіе стремится, гдѣ можно, достигать сокращенія расходовъ, конечно, на счетъ наиболѣе беззащитныхъ. Каждый чиновникъ стремится выслужиться путемъ экономіи въ расходахъ. Въ результатѣ — самое грязное скаредничество вездѣ, гдѣ государство является въ роли предпринимателя. Въ свое время, русская публика была чрезвычайно скандализована, когда, съ переходомъ въ казну двухъ значительныхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей (Петербургъ-Варшава и Петербургъ-Москва), въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ на нихъ произошло нѣсколько катастрофъ. Причиной было переутомленіе служащихъ, обремененныхъ работой по случаю сокращенія штатовъ. Разумѣется, протестъ рабочихъ, составляющій преступленіе и тогда, когда направленъ противъ частнаго капитала, вдвойнѣ преступенъ, направляясь противъ предпринимателя-государства. Расправа въ такихъ случаяхъ свирѣпѣе обыкновенной. Сверхъ всего этого, казенные заводы совершенно изъяты отъ подчиненія фабричнымъ законамъ и отъ контроля какъ фабричной инспекціи, такъ и санитарной полиціи. При такихъ условіяхъ казенные заводы иногда служатъ ареной самой возмутительной эксплуатаціи.

Жизнь и здоровье рабочихъ ничѣмъ не обезпечены. Даже тѣ правила, которыя изданы въ видахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ, не всегда исполняются въ столицахъ; въ провинціи же очень рѣдко. Несчастія случаются сплошь и рядомъ. А вознагражденіе потерпѣвшимъ? Сами капиталисты не скрываютъ, что оно вовсе не практикуется. Закона объ отвѣтственности предпринимателей нѣтъ, и его проэктъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ не можетъ стать закономъ въ виду оппо-

зиціи фабрикантовъ, къ которой очень чувствительно „самодержавное“ правительство. Рабочій, желающій получить вознагражденіе, долженъ доказать, что виною несчастія — непорядки на фабрикѣ. Если онъ и затѣетъ процессъ, то рѣдко имѣетъ средства довести его до конца и идетъ на „мировую сдѣлку“, получая нѣсколько десятковъ рублей и давая росписку въ томъ, что отказывается отъ претензій. Часто адвокатъ предлагаетъ потерпѣвшему взять въ свои руки его дѣло, содержитъ кліента на свой счетъ до суда и за это взимаетъ, кромѣ возвращенія расходовъ, половину полученной суммы. На казенныхъ заводахъ, подчиненныхъ разнымъ вѣдомствамъ, существуютъ правила, приравнивающія рабочихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, къ государственнымъ чиновникамъ и обезпечивающія имъ пенсіи въ случаѣ несчастія. Но и тутъ стремленіе къ экономіи вызываетъ возмутительнѣйшія явленія. Одинъ молодой врачъ, поступившій на службу при казенномъ заводѣ (въ столицѣ), весьма удивился, увидѣвъ въ спискахъ рабочихъ, веденныхъ старшимъ врачомъ, слѣдующее любопытное явленіе: въ графѣ, отмѣчающей состояніе здоровья принимаемыхъ на заводъ, большинство рабочихъ, поступившихъ въ какую-либо одну мастерскую, были обозначены съ одними и тѣми же болѣзненными признаками; такъ напр., почти всѣ поступавшіе въ котельную мастерскую названы „наклонными къ чахоткѣ“, принятые въ мастерскую, гдѣ работа сопровождалась летаніемъ опасныхъ для глазъ искръ, всѣ отличались „весьма слабымъ зрѣніемъ“. Приглядѣвшись къ порядкамъ завода, врачъ узналъ, что, по его правиламъ, пенсія потерявшимъ способность къ труду выдается лишь въ томъ случаѣ, если несомнѣнно, что эта способность потеряна во время пребыванія на заводѣ. Заводское управленіе, стремясь все къ той же экономіи, придумало легкій способъ освобождать казну отъ расходовъ на пенсіи: каждый рабочій оказывается при поступленіи „наклоннымъ“ къ той именно болѣзни, кото-

рая должна была явиться у него въ результатѣ долголѣтней работы!

О величинѣ заработной платы не приходится много говорить: регулируемое постоянно ростущимъ приливомъ „рукъ" изъ деревни, при полномъ отсутствіи права коалиціи (союзовъ) и далеко не полной свободѣ передвиженія рабочихъ, она неизбѣжно держится на уровнѣ самыхъ жалкихъ потребностей, весьма часто спускаясь ниже этого уровня.

Естественно, что всѣ эти и подобныя имъ условія положенія рабочаго класса являются страшнымъ препятствіемъ къ развитію въ русскомъ пролетаріатѣ культурныхъ потребностей и умственныхъ запросовъ; неудивительно, что подъ гнетомъ этихъ условій онъ толкается въ бездну алькоголизма и одичанія. Еще тягостѣе вліяетъ на его культурный уровень его юридическое и соціальное положеніе.

„Свободный договоръ" не существуетъ для русскаго рабочаго даже въ буржуазномъ смыслѣ слова, въ смыслѣ юридической равноправности съ нанимателемъ. За отказъ отъ работы и нарушеніе договора онъ карается арестомъ (до 1 мѣс.), тогда какъ фабрикантъ подлежитъ лишь имущественной отвѣтственности. Участники стачекъ приговариваются къ тюремному заключенію отъ 2 до 8 мѣс., и дѣла о нихъ разбираются коронцымъ судомъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и обыкновенно при закрытыхъ дверяхъ. Но помимо судебныхъ приговоровъ, стачечники подвергаются гораздо болѣе тяжелымъ административнымъ расправамъ. Ихъ высылаютъ на родину „по этапу", и рабочій, имѣющій несчастье быть крестьяниномъ по происхожденію, попадаетъ въ село, гдѣ онъ не можетъ найти спроса на свою рабочую силу. Послѣ каждой стачки, иногда даже послѣ столкновенія, не имѣющаго преступнаго характера даже и по русскимъ законамъ, десятки рабочихъ высылаются такимъ образомъ. Послѣ большой стачки въ Ярославлѣ въ апрѣлѣ 1895 г. (сопровождавшейся безпорядками, участники которыхъ были осуждены въ

арестантскія роты) было выслано изъ Ярославля 2000 рабочихъ, — пятая часть всего числа. Еще не очень давно зачинщики и руководители стачекъ ссылались на неопредѣленный срокъ въ Архангельскую губ. Въ концѣ 70-хъ гг. и въ серединѣ 80-хъ это было общимъ правиломъ. Многочисленный пролетаріатъ, занятый въ золотыхъ пріискахъ Сибири, находится совершенно внѣ закона, въ худшей кабальной зависимости отъ рудниковыхъ магнатовъ, чѣмъ та, въ которой находились рудокопы Богеміи и Саксоніи въ средніе вѣка: всякое сопротивленіе этихъ рабочихъ на основаніи законовъ приравнивается къ бунту противъ государства и наказывается каторгой. Плети и розги свирѣпствуютъ надъ этими паріями, на половину состоящими изъ ссыльныхъ, на половину изъ сброда людей всѣхъ родовъ и всѣхъ національностей.

Очень часто во время стачекъ администрація попросту насильно сгоняетъ рабочихъ на работу. Обыкновенно при извѣстіи о стачкѣ на фабрику прилетаетъ губернаторъ или полицмейстеръ и начинаетъ то, что на оффиціальномъ языкѣ называется „увѣщаніемъ" и нерѣдко сопровождается побоями осмѣлившимся возражать. Депутаціи, высылаемыя рабочими для заявленія своихъ требованій, попросту арестовываются. Закрываются всѣ кабаки и портерныя*), рабочимъ запрещается толпиться на улицахъ, иногда воспрещается выходить изъ домовъ послѣ 9 час. веч. подъ страхомъ арестовъ. Призывается военная сила „для содѣйствія гражданскимъ властямъ" въ сохраненіи порядка, и если губернаторъ человѣкъ рѣшительный, то устраивается побоище, во всякомъ случаѣ войско ведетъ себя вызывающимъ образомъ. Администрація во всякомъ случаѣ обезпечена отъ всякихъ разоблаченій: судъ закрытый, пресса не осмѣливается заговаривать о подобныхъ происшествіяхъ.

Союзовъ между рабочими не имѣется никакихъ, не

---

*) Это иногда (напр., въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ октябрѣ 95 г. вызываетъ демонстраціи кабатчиковъ и ихъ иски къ фабрикантамъ.

только профессіональные (ремесленные) союзы, но и потребительныя общества и кассы взаимопомощи совершенно неизвѣстны русскимъ рабочимъ. Объ исключеніяхъ не стоитъ и говорить: много-много найдется въ Россіи нѣсколько десятковъ подобныхъ учрежденій, влачащихъ по большей части жалкое существованіе и основанныхъ обыкновенно филантропами-капиталистами. Очень часто эти учрежденія служатъ средствомъ эксплуатаціи, и нѣсколько стачекъ послѣднихъ лѣтъ (минская, тифлисская и др.) были вызваны подобными „филантропическими учрежденіями". Могутъ-ли развиваться среди рабочихъ подобныя учрежденія, когда нужны неимовѣрныя хлопоты для полученія одобренія центральнаго правительства, безъ котораго чихнуть нельзя въ Россіи? А затѣмъ, безправіе народныхъ массъ дѣлаетъ ихъ въ такихъ учрежденіяхъ пассивнымъ стадомъ, не смѣющимъ думать о дѣйствительно самостоятельномъ веденіи дѣла. Приведу характерный и возмутительный случай, бывшій года полтора тому назадъ въ одномъ изъ лучшихъ учрежденій этого рода — въ потребительномъ обществѣ, основанномъ при большомъ механическомъ заводѣ, ведущемъ милліонные обороты. Управленіе этимъ обществомъ, пайщики котораго на половину служащіе въ конторѣ завода, находилось въ рукахъ высшей заводской дирекціи. Справедливо или нѣтъ, но рабочіе стали подозрѣвать управителей въ небрежномъ веденіи дѣла, въ несоблюденіи выгодъ общества, а главнымъ образомъ, возмущались неравнымъ отношеніемъ, которымъ они пользовались сравнительно съ заводскими служащими: именно, съ лавкахъ общества покупатели изъ рабочихъ встрѣчали весьма грубое обращеніе. Поэтому на очередномъ годичномъ собраніи кучка рабочихъ выступила съ требованіемъ лучшаго контроля, а затѣмъ внесла предложеніе о томъ, чтобы ежедневно (по вечерамъ) въ складахъ общества сидѣлъ по очереди одинъ пайщикъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы приказчикъ не третировалъ рабочихъ en canaille*). Дежурный

*) Какъ каналій.

пайщикъ долженъ былъ получать небольшое вознагражденіе. Въ отвѣтъ на это предложеніе директоръ (вмѣстѣ съ тѣмъ главное должностное лицо въ потребительномъ обществѣ) сталъ грозить своимъ отстраненіемъ отъ дѣлъ, а когда его угроза только раздражила рабочихъ и они въ тайной баллотировкѣ приняли предложеніе, то предсѣдатель объявилъ баллотировку недѣйствительной и установилъ новую, открытую, при которой, конечно, многіе испугались подать голосъ противъ желанія начальства. На слѣдующій день инціаторы предложенія были приглашены въ контору и имъ откровенно предложили — либо перестать быть пайщиками, либо немедленно получить разсчетъ. Рабочіе обращались къ фабричной инспекціи, и послѣдняя, склонившись было на ихъ сторону, обратилась къ высшему начальству, которое приказало не стѣснять законную свободу.... заводского управленія, и рабочіе получили разсчетъ.

Не менѣе, чѣмъ юридическое безправіе, тяготѣютъ надъ рабочимъ и тормозятъ его развитіе бытовыя отношенія, въ которыя онъ поставленъ къ другимъ классамъ. Пережитки недавно лишь исчезнувшей крѣпостнической эпохи съ ея глубокимъ презрѣніемъ къ „подлой черни“ сплетаются съ буржуазной ненавистью и недовѣріемъ къ пролетарію и, дополняясь ревнивой подозрительностью давящей со всѣхъ сторонъ полицейской опеки, создаетъ атмосферу, въ которой личное достоинство и честь рабочаго ничѣмъ не защищены отъ ежечаснаго попранія. На улицѣ онъ третируется, какъ существо низшаго порядка: его не пускаютъ въ общественные сады; даже въ такія учрежденія, какъ Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ, онъ можетъ явиться лишь въ томъ случаѣ, если обладаетъ „буржуазной“ одеждой. На фабрикѣ онъ подвергается грубому обращенію со стороны мастеровъ и надсмотрщиковъ. Даже въ столицахъ эти послѣдніе нерѣдко позволяютъ себѣ наносить побои взрослымъ, не говоря о дѣтяхъ. Два года тому назадъ въ Москвѣ судился одинъ фабрикантъ за истя-

зяніе плетьми рабочаго, а около того же времени въ Петербургѣ произвелъ сильное волненіе среди рабочихъ трагическій случай съ однимъ недюжиннымъ товарищемъ, который не снесъ нанесеннаго ему оскорбленія и отвѣтилъ на него ударомъ ножа. Для женщины къ этому присоединяется воззрѣніе на жену и дочь пролетарія, какъ на легко доступный объектъ половыхъ вожделѣній; въ этомъ отношеніи — особенно въ провинціи — совершаются возмутительнѣйшіе факты. И еще фабричныхъ работницъ обвиняютъ въ половой развращенности!

По первой жалобѣ фабриканта полиція арестуетъ рабочаго и третируетъ его, какъ уголовнаго преступника. Если рабочій попадаетъ въ тюрьму по обвиненію въ политическомъ преступленіи или въ стачкѣ, ему приходится на каждомъ шагу отстаивать свое личное достоинство. Жандармы, прокуроры, тюремщики — всѣ говорятъ ему „ты" и позволяютъ себѣ безцеремонно грубое третированіе. Для характеристики воззрѣній на рабочаго, существующихъ въ правящихъ сферахъ, приведемъ слѣдующій фактъ. Въ одномъ заграничномъ русскомъ изданіи было напечатано не очень давно заключеніе прокурора Одесской Судебной Палаты г. Витте (брата министра) объ одномъ политическомъ дѣлѣ, въ которомъ обвиняемыми явились двое рабочихъ-каменьщиковъ. Послѣдніе, будучи арестованы по нелѣпому доносу, оказались виновными только въ храненіи рукописей, заключавшихъ стихотворенія революціоннаго содержанія. Предлагая наказать ихъ за это „преступленіе" трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, прокуроръ прибавляетъ, что этимъ не слѣдуетъ ограничиться, а надо сверхъ того подчинить обвиняемыхъ полицейскому надзору, ибо, повидимому, они люди опасные; послѣднее предположеніе основывается на томъ, какого рода книги найдены у нихъ при обыскѣ: именно, нѣсколько историческихъ сочиненій, затѣмъ популярныя брошюры по политической экономіи; наконецъ, „Рабочій вопросъ" Ланге — все книги, дозволенныя цензурой. Чтеніе подобныхъ книгъ, заявляетъ представитель русской юсти-

цій, столь *не подходящихъ къ ихъ званію*, дѣлаетъ обвиняемыхъ лицами подозрительными, которыхъ не нужно упускать изъ виду. Итакъ, чтеніе книгъ по рабочему вопросу и экономическимъ наукамъ „не подходитъ" къ званію рабочаго.

Тщательное стараніе не допускать рабочаго пользоваться „неподходящимъ" чтеніемъ проявляется во всѣхъ мѣрахъ правительства. Доступная рабочему по дешевизнѣ пресса исключительно шовинистическаго характера или принадлежитъ къ кабацкой литературѣ: лицамъ съ мало мальски либеральнымъ направленіемъ не даютъ разрѣшенія издавать дешевыя газеты. Если открывается читальня, имѣющая въ виду посѣтителей изъ рабочаго класса, то въ ней могутъ находиться лишь нѣкоторыя періодическія изданія, отмѣченныя въ спеціальныхъ каталогахъ, изъ которыхъ вычеркнуты не только свободомыслящіе, но мало-мальски серьезные органы. Организаторы распространившихся у насъ за послѣднее время публичныхъ чтеній, служащихъ для популяризаціи естественно-научныхъ и историческихъ знаній, а также для ознакомленія низшихъ классовъ съ литературой, всѣ жалуются на невѣроятно скудный запасъ чтеній, разрѣшенныхъ для этой цѣли. Рабочій, читающій на фабрикѣ книгу въ промежуткахъ между работой, становится подозрительнымъ въ глазахъ мастеровъ. Каждый разъ, какъ по какому-нибудь политическому дѣлу производятся аресты рабочихъ, у нихъ похищаются съ большимъ трудомъ собранныя на трудовыя деньги библіотеки; полиція ихъ конфискуетъ, видя въ нихъ одно изъ орудій революціонной пропаганды, хотя бы книги были дозволенныя цензурой.

Однимъ словомъ, рабочимъ приходится бороться за право пробиться къ свѣту, всѣ внѣшнія условія слагаются такимъ образомъ, чтобы убить въ нихъ стремленіе къ развитію и къ улучшенію своего положенія.

И тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ условіяхъ, въ русскомъ пролетаріатѣ проявляется интенсивная жажда знанія, изъ-подъ гнета отупляющей обстановки растетъ

и зрѣетъ глубокій соціальный протестъ. Рабочій жадно ищетъ возможности получить образованіе; въ его умѣ возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые его наталкиваютъ его соціальныя отношенія. Малѣйшее соприкосновені. съ наукой часто является тѣмъ толчкомъ, который выводитъ пролетарія изъ спячки и заставляетъ тревожно искать новаго міровоззрѣнія вмѣсто вытравляемыхъ самой жизнью старыхъ религіозныхъ и моральныхъ взглядовъ. Въ этомъ смыслѣ правъ былъ бывшій министръ Дурново, видя въ различныхъ культурныхъ предпріятіяхъ „интеллигенціи" революціонирующее начало: помимо намѣреній организаторовъ, всѣ эти школы, чтенія и другіе способы популяризація знаній толкаютъ рабочаго на тотъ путь, на которомъ — рано или поздно — онъ придетъ въ столкновеніе со всею совокупностью окружающихъ его соціальныхъ и политическихъ условій.

Благодаря внѣшнему гнету и полному стѣсненію общественной жизни, можно сказать, значительная часть революціонныхъ элементовъ, накопляющихся въ средѣ пролетаріата, пропадаетъ даромъ: при отсутствіи легальной рабочей прессы, какихъ бы то ни было сходокъ и союзовъ, рабочій можетъ такъ и не натолкнуться на раціональное рѣшеніе волнующихъ его думъ; въ такихъ случаяхъ онъ дѣлается сектантомъ, на югѣ — штундистомъ, въ Петербургѣ — пашковцемъ (раціоналистическая секта, основанная полковникомъ Пашковымъ, насчитывающая не мало адептовъ среди петербургскихъ рабочихъ). Не очень давно и толстовство распространялось между столичными рабочими и до сихъ поръ имя Толстого пользуется популярностью въ московскомъ пролетаріатѣ.

Соціалистическая пропаганда связана съ громадными трудностями; при сравнительно маломъ распространеніи грамотности, отсутствіе права собраній является страшнымъ тормазомъ. Движеніе, которое придаетъ такое значеніе широкой агитаціи и пропагандѣ во всѣхъ формахъ, вынуждено вращаться въ рамкахъ, пригодныхъ развѣ лишь для политической конспираціи. Въ этомъ

отношеніи дѣла обстояли лучше даже въ Германіи до 1848 года, когда ученики Вейтлинга переходили изъ города въ городъ съ пропагандой коммунизма.

Быстрое развитіе капитализма и капиталистическаго государства уничтожаетъ всѣ тѣ патріархальныя условія городского быта, которыя нѣсколько облегчаютъ тайную агитацію, и квартирная тѣснота, тонкія стѣны и очень таки благоустроенная политическая полиція, обладающая хорошимъ бюджетомъ, — все вмѣстѣ создаетъ чрезвычайныя трудности. Немудрено, что среди самихъ рабочихъ находятся послѣдователи партій, видящихъ въ заговорѣ единственно возможную форму борьбы въ настоящее время.

IV.

Рабочее движеніе въ Россіи.

Русское рабочее движеніе имѣетъ уже свою исторію. Уже въ 70-хъ годахъ, когда русское революціонное движеніе совершалось подъ знаменемъ „народничества“, ставившаго цѣлью революціонированіе крестьянства, — уже въ эту эпоху среди рабочихъ возникаетъ соціалистическая пропаганда. Стѣсняемые въ своей дѣятельности въ деревнѣ, не находя тамъ того сочувствія, на которое разсчитывали, народники часто поневолѣ обращали свое вниманіе на городскихъ рабочихъ и искали въ ихъ средѣ поддержки*). Народники обращались къ рабочимъ со своей бакунистской программой, но рабочіе ее въ значительной степени видоизмѣняли и вносили въ пропагандируемыя имъ идеи отпечатокъ своего классового инстинкта. Такимъ образомъ, въ эпоху самаго полнаго отрицанія „политики“, какъ буржуазной

*) Существовала тогда и небольшая группа дѣятелей, занимавшихся соціалистической пропагандой въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, но это направленіе „лавристовъ“ (которые иногда называли себя марксистами) было мало распространено.

ереси, среди южно русскихъ рабочихъ утверждалась мысль, что борьба за политическую свободу должна быть первымъ шагомъ на пути къ соціальной революціи*). Въ срединѣ 70-хъ годовъ рабочіе выдвинули нѣсколько крупныхъ дѣятелей, какъ напр., слесарь Малиновскій и ткачъ Петръ Алексѣевъ, прославившійся своею рѣчью на судѣ въ Москвѣ (1877 г.). По мѣрѣ того, какъ логика фактовъ заставляла русскихъ революціонеровъ переходить къ политической борьбѣ, среди рабочихъ распространялись взгляды, которые, при дальнѣйшемъ развитіи, сблизили бы русское революціонное движеніе съ западно-европейскимъ. Въ то время какъ революціонная „интеллигенція“ бросилась отъ бакунизма къ бланкизму и выдвинула террористическую программу съ надеждой на „захватъ власти“ для немедленной ликвидаціи существующаго соціальнаго строя, — рабочіе, напротивъ того, также возлагая упованія на террористическую борьбу, видѣли въ ней лишь средство къ тому, чтобы вынудить ограниченіе абсолютизма и созданіе политическаго строя, дѣлающаго возможнымъ свободную организацію рабочаго класса. Именно такъ смотрѣлъ на цѣль политической борьбы одинъ изъ крупныхъ дѣятелей революціоннаго движенія — столяръ Халтуринъ, казненный въ 1882 г.

Въ эту эпоху террора революціонная партія все болѣе начинала сознавать, что городскіе рабочіе представляютъ наиболѣе революціонный классъ въ странѣ. Дѣло въ томъ, что эти годы, 1877-1881 и слѣд., были годами продолжительнаго экономическаго кризиса, начало котораго было положено войной 1877 г. Обыкновенно слѣдующее за всякой войной разстройство промышленной жизни страны отразилось закрытіемъ мно-

*) *Въ одномъ политическомъ процессѣ того времени* обвинительная власть цитировала письмо рабочихъ-южанъ къ сѣвернымъ товарищамъ, въ которомъ первые доказывали, что, высказываясь въ пользу парламентаризма, они не измѣняютъ конечнымъ цѣлямъ движенія.

гихъ фабрикъ, сокращеніемъ производства въ другихъ. Въ 1879-1880 гг. въ одномъ Петербургѣ насчитывали 90.000 безработныхъ. Уже въ 1878 г. послѣдовало повсюду сокращеніе заработной платы. Отвѣтомъ послужилъ рядъ стачекъ, которыми петербургскіе соціалисты воспользовались для распространенія революціонной пропаганды. На югѣ рабочіе принимали участіе въ демонстраціи во время суда надъ соціалистомъ Ковальскимъ (Одесса, 1878 г,). Въ томъ же году вызванные столкновеніемъ съ полиціей безпорядки въ Ростовѣ окончились настоящимъ возстаніемъ, при чемъ рабочіе въ теченіе двухъ дней держали городъ въ своихъ рукахъ. Въ 1880-1881 гг. значительную часть Россіи постигъ голодъ (до 20 губ.). Резервная армія пролетаріата повсюду страшно увеличилась, спросъ на мануфактурные товары на внутреннемъ рынкѣ сократился; политическія волненія также отразились на ходѣ промышленной жизни. Лѣтомъ 1881 года въ г. Самарѣ было насчитано въ числѣ лицъ, занимавшихся таскаліемъ тяжестей на пристани, 40 чел. однихъ только портныхъ мастеровъ, сразу ставшихъ пролетаріями. Правительственные и общественные органы, также какъ и пресса, констатировали глухое недовольство въ низшихъ классахъ. Въ томъ же 1881 г. оно выразилось на югѣ и юго-западѣ въ повсемѣстныхъ антисемитскихъ безпорядкахъ; въ центральныхъ губерніяхъ возникло аграрное движеніе, сопровождавшееся нерѣдко насиліями и убійствами и имѣвшее цѣлью вынудить помѣщиковъ къ предоставленію крестьянамъ въ постоянное пользованіе той земли, которую они арендовали въ краткосрочную аренду.

Слѣдующій 1882 годъ былъ годомъ стачекъ. [illegible] даннымъ, весьма неполнымъ, которыя мнѣ удалось собрать, стачки въ этомъ году происходили въ Балтійскихъ губерніяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ Московскомъ и Владимірскомъ районахъ, въ Литвѣ, въ южномъ горномъ округѣ и на уральскихъ металлургическихъ заводахъ, не говоря уже о Польшѣ. Это проявленіе роста рабочаго движенія въ связи съ обнаружившимися успѣхами

соціалистовъ среди фабричныхъ рабочихъ, побудило правительство сдѣлать нѣкоторыя уступки и положить начало фабричному законодательству. Стачки продолжались, и въ послѣдующіе годы, достигнувъ особенной силы въ 1885 году, главнымъ образомъ, во Владимірскомъ округѣ, гдѣ стачка на фабрикѣ Морозовыхъ, участники которой были преданы суду, обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ этой стачкѣ, охватившей до 10.000 чел., руководителями были двое рабочихъ, подвергавшихся прежде преслѣдованію за соціалистическую пропаганду.

Въ теченіе всей первой половины 80-хъ годовъ революціонная партія не переставала возлагать надежды на рабочее движеніе. По мѣрѣ того, какъ падала волна террористическаго движенія, достигнувшаго своего апогея 1-го марта 1881 г., революціонеры обращались къ агитаціи среди рабочихъ. Въ промежутокъ 1880-1885 годовъ издавалось нѣсколько спеціально агитаціонныхъ рабочихъ газетъ. Но въ террористической борьбѣ сила революціонной партіи была сломлена, и она клонилась къ упадку. Притокъ свѣжихъ силъ изъ интеллигенціи прекращался по мѣрѣ того, какъ въ средѣ послѣдней воцарялись апатія и неувѣренность въ успѣхѣ. Послѣдней попыткой партіи „Народной Воли“ было приспособить террористическую дѣятельность къ условіямъ рабочаго движенія, ввести „пропаганду дѣйствіемъ“, т. е. террористическими фактами, во всѣ случаи столкновенія труда съ капиталомъ. Эта попытка не удалась, а между тѣмъ острый кризисъ прошелъ, и вторая половина 80-хъ годовъ сопровождалась оживленіемъ промышленности. Наряду съ политической реакціей это обстоятельство отразилось ослабленіемъ рабочаго движенія; стачки прекратились, революціонное настроеніе въ средѣ рабочихъ стало падать, и правительство сейчасъ же констатировало этотъ фактъ нѣкоторыми мѣрами, ослабившими и безъ того малое положительное значеніе недавно введенныхъ фабричныхъ законовъ. Соціалистическая пропаганда почти вовсе прекратилась или велась въ тѣсныхъ кружкахъ безъ особаго успѣха, — за то въ этихъ

предѣлахъ старыя утопическія идеи замѣнялись все болѣе міровоззрѣніемъ научнаго соціализма.

Голодъ 91-92 гг. вызвалъ новый подъемъ рабочаго движенія въ видѣ все учащающихся стачекъ. Вмѣстѣ съ этимъ голодъ 91-92 гг., разоблачивъ послѣднія иллюзіи относительно характера экономической эволюціи страны, содѣйствовалъ быстрѣйшему переходу большей части русскихъ революціонеровъ къ научному соціализму, къ марксизму, до тѣхъ поръ насчитывавшему очень небольшое число адептовъ, созданныхъ литературной пропагандой Плеханова и его друзей Распространеніе соціальдемократическихъ идей въ рабочемъ классѣ пошло быстрѣе, благопріятствуемое учащеніемъ конфликтовъ между рабочими и капиталистами. Вмѣстѣ съ тѣмъ соціальдемократы, до тѣхъ поръ занятые исключительно теоретической пропагандой, стали вырабатывать ту тактику, которая, при современныхъ условіяхъ Россіи, одна только можетъ вывести рабочее движеніе на арену сознательной соціальной и политической борьбы. Новая тактика состояла въ непосредственномъ вмѣшательствѣ соціальдемократовъ во всѣ случаи конфликтовъ труда съ капиталомъ, какъ бы мелки они ни были. Невыносимыя политическія и соціальныя условія, стремящіяся деградировать и совершенно поработить рабочаго, ставятъ безчисленныя препятствія правильному развитію его классового самосознанія, грозятъ на каждомъ шагу сбить его съ правильнаго пути или въ зародышѣ убить его борьбу. Дѣломъ соціальдемократовъ стало вести свою агитацію по всей поверхности, на которой уже въ настоящее время завязывается борьба рабочихъ, — и постепенно расширять ее. При отсутствіи какихъ бы то ни было профессіональныхъ организацій, при полномъ политическомъ безправіи, необходима организація, которая могла бы помочь стачечникамъ выработать общія требованія и методъ борьбы, организовать помощь и поддерживать соотвѣтствующее настроеніе въ борющихся. Соціальдемократы берутъ на себя эту задачу и, такимъ образомъ, не давая угаснуть пробивающемуся протесту, освѣ-

щаютъ его и доводятъ каждый конфликтъ въ сознаніи рабочихъ до его послѣднихъ выводовъ. При невозможности массамъ рабочихъ организоваться даже на время, соціалистическіе кружки являются единственнымъ связующимъ звеномъ во время борьбы. На нихъ долю выпадаетъ подмѣтить господствующее въ данный моментъ настроеніе и, сообразовавшись съ объективными условіями даннаго момента, дать лозунгъ массѣ. Средствами являются живое слово и летучая литература прокламацій, имѣющихъ исходной точкой данный конкретный фактъ, которымъ пользуются для освѣщенія всѣхъ сторонъ положенія рабочаго. Успѣхъ этой недавно примѣненной тактики уже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Стачки, которыя въ предъидущую эпоху носили по преимуществу характеръ отчаянныхъ вспышекъ и всегда вызывались попытками хозяевъ ухудшить положеніе рабочихъ и часто сопровождались безпорядками, принимаютъ все болѣе сознательный характеръ. Рабочіе начинаютъ сами ставить опредѣленныя требованія. Такъ напр., въ рядѣ стачекъ на желѣзныхъ дорогахъ и на нѣкоторыхъ фабрикахъ за послѣдніе годы ставились требованія отмѣны уже давно вошедшей въ обычай системы разныхъ вычетовъ. Наконецъ, въ большой стачкѣ въ С.-Петербургѣ (1896 года) рабочіе впервые выступили въ цѣлой отрасли производства съ требованіемъ улучшенія условій фабричнаго быта и притомъ выставили такое требованіе, которое констатируетъ значительную степень пониманія своихъ интересовъ*). Въ правительственномъ сообщеніи объ этой стачкѣ говорится, что она произошла помимо „подстрекательствъ“ соціальдемократовъ и что послѣдніе совершенно напрасно пытались принять въ ней участіе. Но у насъ есть другой *правительственный* документъ, *воззваніе*, съ ко-

---

*) Главнымъ требованіемъ было сокращеніе рабочаго дня до 12 час. съ двухъчасовымъ отдыхомъ. Между тѣмъ, для нѣкоторыхъ категорій участниковъ стачки это сокращеніе связано съ уменьшеніемъ (по крайней мѣрѣ, на первое время) заработка, ибо въ производствѣ господствуетъ поштучная плата.

торымъ, по окончаніи стачки, обратился къ рабочимъ министръ Витте. Въ этомъ любопытномъ произведеніи, написанномъ ханжескимъ языкомъ, говорится, напротивъ, что вся стачка есть дѣло „лицъ, уже давно пытавшихся разсорить рабочихъ съ капиталистами“ ради „чуждыхъ рабочимъ цѣлей“. Указывается на то, что стачка была подготовлена тѣми воззваніями, которыя распространялись соціальдемократами при отдѣльныхъ мелкихъ конфликтахъ. И дѣйствительно, безъ этой предварительной агитаціи никогда бы не произошло такой значительной по размѣру и серьезности требованій стачки. Въ частности, сильный толчокъ къ движенію петербургскихъ рабочихъ былъ данъ агитаціей по поводу 1-го мая: листки, изданные въ этотъ день и удачно распространенные по всѣмъ рабочимъ кварталамъ*), произвели сильное впечатлѣніе, и рабочіе повсюду говорили о сокращеніи рабочаго дня. Не прошло и мѣсяца со дня 1-го мая, и незначительный поводъ (невыдача денегъ за праздничные коронаціонные дни) вызвалъ небывалую по единодушію стачку и въ теченіе нѣсколькихъ дней, не имѣя возможности собраться и столковаться, рабочіе во всѣхъ 18 фабрикахъ выставили одни и тѣ же требованія. Подобное единство было возможно лишь вслѣдствіе энергичной дѣятельности соціаль-демократическихъ кружковъ и ихъ „подпольной“ литературѣ, кот. выставила сокращеніе раб. дня, какъ общій пароль. И не смотря на всѣ экстренныя мѣры „усмиренія“, не смотря на аресты и высылки, петербургскіе рабочіе держались цѣлый мѣсяцъ и, когда подъ вліяніемъ нужды и насилій полиціи вернулись на работу на прежнихъ условіяхъ, то лишь затѣмъ, чтобы подняться вновь въ непродолжительномъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, стачка отразилась самымъ широкимъ возбужденіемъ въ рабочемъ классѣ; толки объ общей стачкѣ для достиженія выставленныхъ требованій стали повторяться повсюду и не прошло еще года со времени лѣтней стачки, какъ

*) Нѣсколько лицъ было арестовано во время распространенія.

въ моментъ, когда пишутся эти строки*) — вновь вспыхнуло движеніе съ тою же цѣлью на нѣсколькихъ фабрикахъ и, повидимому, обѣщаетъ опять охватить значительную часть петербургскаго пролетаріата. И на этотъ разъ правительство не можетъ успокоивать себя тѣмъ, что стачка не вышла за предѣлы хлопчатобумажнаго производства: съ первыхъ же дней къ ней пристали рабочіе одного изъ самыхъ большихъ казенныхъ машиностроительныхъ заводовъ. Вспыхнувшая безъ случайнаго повода, какой имѣлъ мѣсто въ маѣ, стачка на этотъ разъ сильно испугала правительство. Оно чувствуетъ, что каковъ бы ни былъ исходъ этой новой попытки (послѣдняя врядъ-ли удачно начата въ серединѣ зимы, когда нужда переносится труднѣе), движеніе въ пользу сокращенія рабочаго дня будетъ разгараться все сильнѣе, оно знаетъ, что уже давно идутъ оживленные толки объ общей забастовкѣ и что въ этомъ году „маевка" ожидается съ нетерпѣніемъ петербургскими рабочими. Поэтому, стараясь подавить новую стачку, правительство стало подумывать о предотвращеніи дальнѣйшихъ вспышекъ путемъ удовлетворенія требованій рабочихъ. Недавно собрались у министра финансовъ нѣсколько десятковъ дѣятелей фабричной инспекціи и представителей крупныхъ промышленныхъ предпріятій для обсужденія настоящаго положенія дѣлъ. Большинство участниковъ собранія высказалось въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее сопротивленіе опасно и что необходимо „успокоить" рабочихъ сокращеніемъ рабочаго дня. Министръ отъ имени правительства воспротивился этому съ точки зрѣнія опасности подобной „слабости". Былъ приглашенъ петербургскій градоначальникъ, который, будучи спрошенъ о томъ, можно-ли разсчитывать на „сохраненіе порядка" отвѣтилъ; „Я ручаюсь за усмиреніе ста тысячъ рабочихъ, если они выйдутъ на улицу, но не могу предотвратить прекращеніе работы (въ день 1-го мая) даже тремя тысячами". Этотъ отвѣтъ побу-

*) Начало января 1897 г.

дилъ министра присоединиться къ мнѣнію большинства и теперь уже въ принципѣ рѣшена уступка. Нѣкоторые фабриканты прямо заявили стакнувшимся рабочимъ, чтобы они теперь возвратились на работу, а „къ серединѣ апрѣля (по старому стилю) вамъ будетъ дано все, что хотите". Правительство дало ходъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ внесенному лодзинскими фабрикантами проекту сокращенія рабочаго дня*) и, какъ полагаютъ, къ веснѣ вопросъ будетъ рѣшенъ.

Мы можемъ благодарить правительство за то, что оно воспользуется этимъ закономъ для предотвращенія „маевки": при чрезвычайномъ недостаткѣ у насъ средствъ пропаганды, это оффиціальное признаніе дня всемірнаго рабочаго праздника чрезвычайно облегчитъ намъ его популяризированіе среди массъ рабочихъ. Очень вѣроятно, что изданіе закона передъ самымъ 1-мъ мая, какъ думаетъ правительство, предотвратитъ въ нынѣшнемъ году открытое празднованіе массами этого дня, но за то прививку идеи 1-го мая въ столичномъ пролетаріатѣ можно будетъ считать законченной, и свои дальнѣйшія требованія онъ будетъ пріурочивать къ этому дню.

Если, какъ можно ожидать, законопроэктъ объ ограниченіи рабочаго дня не пройдетъ, благодаря оппозиціи менѣе предусмотрительной части буржуазіи, то весьма вѣроятно, что насъ подарятъ къ 1-му мая „добровольнымъ" соглашеніемъ однихъ петербургскихъ капиталистовъ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ первымъ шагомъ къ общему введенію нормальнаго рабочаго дня, ибо петербургскіе фабриканты, подобно своимъ лодзинскимъ коллегамъ, постараются о томъ, чтобы распространить сокращеніе рабочаго времени и на фабрики Владимірскаго и Московскаго районовъ. Если же ихъ старанія въ этомъ смыслѣ встрѣтятъ энергичный отпоръ могущественныхъ милліоверовъ „русскаго Манчестера" и

*) Въ Лодзи рабочіе добились 11-часоваго раб. дня въ 1892-93 гг. Съ тѣхъ поръ мѣстные капиталисты хлопочутъ о распространеніи и на русскія фабрики подобнаго нормальнаго дня.

древнѣйшей столицы, то наши мѣстные товарищи постараются ускорить ихъ соглашеніе съ петербургскими.

Новая тактика соціальдемократовъ вывела ихъ изъ положенія малозамѣтной политической группы и заставила уже теперь правительство и капиталистовъ заботиться не объ одномъ лишь механическомъ искорененіи ея, а о примиреніи рабочихъ съ ихъ положеніемъ. Петербургскіе фабриканты затѣваютъ потребительное общество на широкихъ началахъ, которое выказало бы рабочимъ ихъ заботливость.

Въ одномъ изъ циркуляровъ министра Витте къ фабричнымъ инспекторамъ рекомендуется послѣднимъ „поощрять" фабрикантовъ къ филантропическимъ предпріятіямъ и *рекламировать* таковыя передъ рабочими, указывая имъ на пользу хорошихъ отношеній между работодателемъ и пролетаріемъ.

Дѣйствіе такой тактики на рабочій классъ чрезвычайно сильное: усвоеніе революціонныхъ идей, шедшее до сихъ поръ медленнымъ путемъ кружковой пропаганды, сильно облегчается общимъ возбужденіемъ всѣхъ слоевъ пролетаріата. Не смотря на необычайно значительныя потери, которыя понесъ петербургскій пролетаріатъ въ теченіе послѣдняго года и которыя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызвали бы подавленное настроеніе и затруднили бы дальнѣйшую пропаганду, — не смотря на почти ежемѣсячные аресты, удаляющіе самыхъ талантливыхъ и развитыхъ агитаторовъ, движеніе не ослабѣваетъ, и выбывшія силы пополняются свѣжими. И быть можетъ, не послѣднимъ признакомъ успѣшности нашей тактики служитъ тотъ фактъ, что она перенимается и такими соціалистическими группами, которыя дѣйствуютъ подъ старыми революціонными знаменами. Логика фактовъ вынуждаетъ ихъ становиться на классовую точку зрѣнія и — помимо собственной воли и сознанія — становиться соціальдемократами. Такимъ образомъ, въ настоящее время, кромѣ соціальдемократовъ-марксистовъ, въ русской революціонной арміи существуютъ (не говорю объ эмигрантахъ, которые, какъ и во всѣ времена, сохра-

няютъ направленія прежнихъ эпохъ) лишь два рода дѣятелей: либо соціалисты безъ собственной специфической программы, либо революціонеры съ программой, но — безъ соціализма, ищущіе, во имя отвлеченныхъ идеаловъ, поднять всю „націю" на борьбу съ существующимъ режимомъ.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о Петербургѣ, въ которомъ новая тактика соціальдемократовъ успѣла дать наиболѣе замѣтные плоды. Причина лежитъ въ наибольшей развитости рабочаго населенія культурнаго центра страны и въ большемъ напряженіи политической жизни съ большимъ скопленіемъ революціонныхъ элементовъ. Не смотря на застой въ политическомъ движеніи въ теченіи 80-хъ гг., среди петербургскихъ рабочихъ сохраняются воспоминанія о стачкахъ конца 70-хъ гг. и о революціонныхъ дѣятеляхъ начала 80-хъ годовъ (особенно о Тимоѳеѣ Михайловѣ, одномъ изъ „цареубійцъ", котораго прокуроръ Муравьевъ, теперешній министръ юстиціи, назвалъ „апостоломъ рабочихъ"). Эти обстоятельства облегчили скорѣйшее распространеніе современнаго движенія. Характерно, однако, что въ послѣднемъ первое мѣсто заняли не рабочіе-машиностроители, представляющіе наиболѣе развитую и культурную группу, но рабочіе въ текстильной промышленности, гораздо хуже поставленные экономически и насчитывающіе значительный процентъ пришельцевъ изъ деревни. Дѣло въ томъ, что поштучная плата, царящая въ машиностроительной отрасли, и разнообразіе операцій, создающее различіе въ способахъ и размѣрахъ оплаты разныхъ категорій труда, дѣйствуютъ разъединяющимъ образомъ и не позволяютъ далеко не покорнымъ заводскимъ рабочимъ пойти далѣе отдѣльныхъ стачекъ по отдѣльнымъ мѣстнымъ поводамъ. За то ткачи и прядильщики, объединенные однообразными условіями труда, скорѣе всего пришли къ идеѣ борьбы за сокращеніе рабочаго времени. Послѣдняя, однако, пробиваетъ себѣ путь и среди машиностроителей, ко-

торые, разъ приставъ къ борьбѣ, внесутъ бòльшую стойкость и энергію.

Рабочее движеніе, однако, принимаетъ замѣтные размѣры и внѣ Петербурга. Кромѣ послѣдняго, главными промышленными центрами являются: 1) Москва съ ея губерніей, 2) Владимірскій округъ съ центромъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, 3) весь югъ, такъ-называемая Новороссія, по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, отъ Одессы до Сѣвернаго Кавказа и 4) Уральскій горный округъ. Внѣ этихъ главныхъ центровъ для рабочаго движенія имѣютъ извѣстное значеніе болѣе мелкія области, вокругъ Риги и Ревеля, Бѣлостока, Ярославля и Костромы, Кіева и въ Закавказьи*).

Оставляя въ сторонѣ эти второстепенныя промышленныя области, остановимся на главныхъ.

Петербургскимъ рабочимъ, уже теперь привлекающимъ своей борьбой главное вниманіе общества, предстоитъ, очевидно, и впредь играть роль авангарда, какъ обыкновенно бываетъ съ рабочими столицъ. Здѣсь сконцентрированы сотни тысячъ пролетаріевъ, здѣсь борьба за существованіе носитъ особенно острый характеръ и всѣ соціальныя противорѣчія развиты въ высшей степени, а съ другой стороны, политическій гнетъ самодержавія всего чувствительнѣе. Но если въ Петербургѣ развитію рабочаго движенія значительно помогла общая политическая его атмосфера, то въ округѣ Иваново-Вознесенска („русскій Манчестеръ“) нарождается чисто рабочее движеніе, возникшее помимо непостоянно дѣйствовавшей революціонной пропаганды, непосредственно изъ экономическихъ условій этого значительнаго промышленнаго центра. Втеченіе послѣднихъ 15 лѣтъ въ этомъ центрѣ (и въ смежныхъ Ярославскомъ и Костромскомъ округахъ) выработались свои пріемы стачечной борьбы, путемъ тяжелыхъ уроковъ укрѣпилась идея безплодности отчаянныхъ вспышекъ, принимавшихъ прежде грозный, разрушительный характеръ, выработалось единодушіе и

*) Здѣсь, какъ и вездѣ, мы не говоримъ о Польшѣ.

чуткость ко всякой борьбѣ, происходящей между трудомъ и капиталомъ. Быстрое развитіе бумагопрядильнаго и ткацкаго производствъ, введеніе новыхъ машинъ, выбросившихъ часть рабочаго персонала, а съ другой стороны, раззореніе многочисленныхъ въ этомъ краѣ полу-самостоятельныхъ или фиктивно-самостоятельныхъ „кустарей"-ткачей, наводняющихъ рабочій рынокъ фабричныхъ городовъ, создали для здѣшняго пролетаріата условія, при которыхъ на каждомъ шагу ему предстоитъ дилемма между голодомъ и борьбой. Послѣдняя, особенно послѣ 1891-92 гг., не прекращается въ видѣ стачекъ, каждый разъ производящихъ сильное волненіе въ мѣстномъ населеніи. Стачки послѣднихъ лѣтъ показали, какъ сознаніе рабочихъ наперекоръ всѣмъ въ провинціи невыносимымъ провокаціямъ полиціи и войскъ удерживаетъ ихъ отъ безпорядка. Въ октябрѣ 1895 г. ткачи одной изъ фабрикъ Иваново-Вознесенска, начавъ стачку противъ уменьшенія платы, произвели внушительную демонстрацію шествіемъ по городу съ своеобразными факелами. Весной того же года рабочіе Ярославля своимъ стойкимъ и спокойнымъ поведеніемъ во время стачки вызвали у фабричнаго инспектора замѣчаніе: „Это чисто англійская стачка!"

Когда наши товарищи въ этомъ фабричномъ округѣ организуются настолько, чтобы начать планомѣрное примѣненіе новой тактики, они найдутъ вполнѣ подготовленную почву, въ которой распространеніе революціонныхъ идей пойдетъ съ значительной быстротой. Этого момента не долго придется ждать.

Въ такомъ же приблизительно положеніи находятся рабочіе Московскаго округа, въ которомъ уже съ успѣхомъ ведется соціальдемократическая агитація подобно Петербургу. Въ смыслѣ планомѣрности и выдержки во время стачекъ, московскіе ткачи, впрочемъ, стоятъ позади владимірскихъ, и ихъ стачки (особенно въ 1895 г.) часто сопровождаются безпорядками и столкновеніями съ властью. За то политическое пониманіе московскаго рабочаго приближаетъ его къ петербургскому, а по по-

казаніямъ большинства знающихъ эту среду, большая живость москвича облегчаетъ значительно агитацію.

Московскій и Владимірскій фабричные округа тѣмъ важны для рабочаго движенія, что въ нихъ часто фабричное населеніе находится въ постоянномъ сообщеніи съ массой мелкихъ производителей — полу-крестьянъ, полу-рабочихъ — въ болѣе или менѣе развитыхъ формахъ домашней промышленности.

Подъемъ революціоннаго духа сотенъ тысячъ фабричныхъ пролетаріевъ, разсѣянныхъ, кромѣ большихъ центровъ, въ десяткахъ мелкихъ фабричныхъ городковъ, долженъ будетъ повліять и на политическое воспитаніе милліоновъ крестьянъ и кустарей.

Въ особыхъ условіяхъ находится южно-русская промышленная область, главные центры которой — Одесса, Николаевъ, Ростовъ и особенно Екатеринославъ. Все промышленное значеніе края — дѣло послѣднихъ 10-15 лѣтъ, когда стали быстро развиваться металлургическая промышленность и машиностроеніе. Въ послѣдніе годы этотъ ростъ принялъ необычайно быстрый характеръ. Въ Екатеринославской губерніи машиностроительные заводы ростутъ, какъ грибы послѣ дождя. Развитіе капиталистическаго земледѣлія въ видѣ латифундій и фермерскихъ хозяйствъ (чѣмъ эта область, на ряду съ заволжскими степями, отличается отъ большей части Россіи) дало толчокъ основанію множества заводовъ земледѣльческихъ орудій. Ростъ большихъ городовъ создалъ большой запросъ на продукты мануфактурной промышленности; затѣмъ, въ этомъ же краѣ развивается свеклосахарное и мукомольное производства, наконецъ, горнодѣліе. Сверхъ того, въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей десятки тысячъ рабочихъ заняты на пристаняхъ. Такимъ образомъ, въ этой области, пріобрѣтающей все большее значеніе въ экономической жизни государства, создались условія и для развитія рабочаго движенія. Но отсутствіе сплачивающихъ традицій въ недавно сложившемся рабочемъ населеніи здѣшнихъ промышленныхъ центровъ, постоянный притокъ новыхъ

слоевъ съ разныхъ сторонъ поставили этотъ край въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находятся Петербургъ, Москва, Иваново-Вознесенскъ. Этимъ же объясняется то обстоятельство, что соціалистическое движеніе не вышло еще въ Южной Россіи за предѣлы кружковой пропаганды. Между тѣмъ, повторяющіяся изрѣдка очень грозныя вспышки показываютъ, что условія положенія рабочихъ далеко не завидны, а все то, что намъ извѣстно о распространеніи въ большинствѣ южныхъ городовъ соціалистическихъ кружковъ, позволяетъ сдѣлать выводъ, что наши южнорусскіе товарищи еще не выработали соотвѣтствующую мѣстнымъ условіямъ тактику, которая придала бы движенію широкій характеръ. А между тѣмъ, значеніе этой быстро развивающейся области въ общемъ рабочемъ движеніи Россіи врядъ-ли можетъ быть преувеличено. Мы придаемъ особое значеніе тому факту, что этотъ край въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ притягиваетъ къ себѣ сотни тысячъ крестьянъ, ищущихъ работъ на помѣщичьихъ поляхъ; такимъ образомъ, соціалистическое движеніе этой области должно будетъ распространиться и на сельскій пролетаріатъ, поставленный въ самыя плачевныя условія и уже проявляющій по временамъ попытки къ самостоятельной борьбѣ путемъ стачекъ, обыкновенно сопровождающихся безпорядками.

Въ противоположныхъ условіяхъ находится другой округъ — Уральскій, котораго промышленность находится въ состояніи упадка; послѣднее не позволяетъ разсчитывать на широкое развитіе въ этой обширной области рабочаго движенія. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ даннымъ, и тамъ происходитъ какъ культурный подъемъ пролетаріата, такъ и распространеніе соціализма. Впрочемъ, точныхъ данныхъ мы не имѣемъ.

Затѣмъ прибавимъ, что внѣ этихъ главныхъ областей какъ соціалистическое движеніе, такъ и стачечное замѣчается во многихъ мѣстахъ Россіи. Каждая стачка, сопровождающаяся репрессіями, содѣйствуетъ революціонизированію рабочихъ массъ; обыкновенно полиція

высылаетъ многихъ участниковъ, и они, попадая на нетронутую почву, являются элементомъ броженія. Каждый политическій „погромъ" сопровождается высылкой лицъ, заподозрѣнныхъ, но не уличенныхъ въ революціонной дѣятельности, и люди, которые при нормальныхъ условіяхъ были бы, такъ сказать, диллетантами революціи, попадая въ условія полицейскаго надзора въ чужомъ городѣ, нерѣдко изгоняемые изъ одной фабрики на другую, становятся упорными пропагандистами. Такимъ образомъ, во многихъ мелкихъ и мало промышленныхъ городахъ возникаютъ соціалистическія группы рабочихъ, которыя въ настоящее время распространены во всѣхъ частяхъ Россіи, не исключая Закавказья.

Намъ представляется полезнымъ заключить эту главу изложеніемъ одной политической бесѣды, которая можетъ служить иллюстраціей для характеристики отношенія правительства къ современному рабочему движенію въ Россіи. Бесѣда происходила не очень давно между однимъ изъ чиновниковъ политической полиціи и соціалистомъ-рабочимъ и велась — какъ это только возможно для русскаго обывателя — въ тяжелыхъ для рабочаго условіяхъ: онъ былъ арестованъ и, тщетно ожидая объясненія причины ареста, неожиданно былъ введенъ въ кабинетъ упомянутаго чиновника. Разговоръ начался требованіями рабочаго объяснить причину его задержанія, которое ему мотивировали неопредѣленнымъ заявленіемъ о „вредной дѣятельности". Вмѣсто отвѣта, онъ получилъ приглашеніе сѣсть и откровенно отвѣтить на нѣкоторые вопросы. На послѣдніе, касавшіеся знакомства рабочаго съ „подозрительными" лицами, онъ отвѣчалъ отрицательно, и тогда полиціантъ, выразивъ душевную скорбь по поводу нежеланія собесѣдника открыться по душѣ, заявилъ, что онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ для нихъ столковаться и разсѣять тѣ печальныя недоразумѣнія, которыя ставятъ одного изъ нихъ въ положеніе арестанта, а другого въ положеніе сыщика. Съ этой минуты начался собственно политическій разговоръ, или вѣрнѣе, монологъ. „Судя по тому,

какъ вы смѣло держитесь, я вижу, что имѣю дѣло съ революціонеромъ, заявилъ чиновникъ, а судя по степени вашего образованія, я заключаю, что вы марксистъ, а не народоволецъ". Послѣ этого интереснаго вступленія послѣдовало своего рода profession de foi*). — Правительство, заявилъ полиціантъ, съ сожалѣніемъ видитъ, что личности, подобныя его почтенному собесѣднику, враждебно относятся къ существующимъ политическимъ порядкамъ. Правительство вовсе не врагъ рабочихъ, оно признаетъ законность ихъ недовольства нѣкоторыми сторонами ихъ жизни, оно даже не противъ распространенія нѣкоторыхъ ученій... Мы готовы были снисходительно относиться къ соціальдемократамъ, пока они занимались теоретическимъ просвѣщеніемъ рабочихъ**), но правительство съ горечью видитъ, какъ послѣдніе, подъ вліяніемъ агитаторовъ, начинаютъ выступать на путь активной борьбы. Рабочіе напрасно относятся съ довѣріемъ къ этимъ политиканамъ; это люди, далеко не безкорыстные и стремящіеся воспользоваться рабочими для дѣла вовсе не нужнаго рабочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ они не играютъ въ руку либераламъ, которые представляютъ собою интересы буржуазіи? Развѣ рабочіе выиграютъ что-нибудь отъ достиженія политической свободы? Да знаете-ли вы, что русскій парламентъ прежде всего издастъ исключительный законъ противъ соціальныхъ ученій! Или вы думаете, что представители рабочихъ интересовъ попадутъ въ парламентъ? Ошибаетесь! Нѣтъ, ни васъ, ни меня(!) не изберутъ въ парламентъ, а изберутъ NN (при этомъ онъ назвалъ имя одного изъ крупныхъ буржуазныхъ дѣльцовъ). Вмѣстѣ съ ослабленіемъ абсолютизма, рабочіе потеряютъ всякое основаніе надѣяться на улучшеніе ихъ положенія ибо буржуазія воцарится неограниченно. А между тѣмъ, стоитъ только быть безпристрастнымъ, чтобы убѣдиться, что наше правительство можетъ столковаться съ рабо-

*) Исповѣданіе вѣры.

**) Размѣръ этой „снисходительности" опредѣляется, однако, нѣсколькими годами ссылки въ Сибирь.

чами. Посмотрите на политику Витте, обратите внимание на ту энергію, съ которой онъ повелъ выкупъ въ казну желѣзныхъ дорогъ. Подумайте, что означаетъ этотъ шагъ! Вѣдь это значитъ, что современемъ такими же путями перейдутъ въ собственность государства и тѣ заводы, которые заготовляютъ подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ другія предпріятія и т. д. Вѣдь это то же самое, о чемъ Лассаль совѣтовался съ Бисмаркомъ*). Но, конечно, на все надо время, нужно не забывать, что русская промышленность еще очень юна и нуждается въ покровительствѣ, а потому не всѣ требованія рабочихъ могутъ быть исполнены, слѣдуетъ лишь не мѣшать правительству и отказаться отъ пагубнаго пути, на который толкаютъ рабочихъ революціонеры. И кто такіе эти революціонеры? Вѣдь это люди мелкіе, подстрекающіе рабочихъ къ борьбѣ и сами дѣйствующіе подпольно, уклоняясь отъ отвѣтственности! Развѣ ихъ можно сравнить съ дѣятелями прежней эпохи, которые мужественно шли на смерть въ открытомъ бою. То были люди, напр, Желябовъ! Вотъ былъ человѣкъ! „Вѣдь я самъ зналъ покойника", прибавилъ чиновникъ, не распространяясь о томъ, каково было его личное участіе въ дѣлѣ превращенія знаменитаго соціалиста въ „покойника"... Рабочіе должны порвать съ этими людьми и махнуть рукой на политику. Правительство глубоко жалѣетъ о гибели такихъ лицъ, какъ собесѣдникъ г. чиновника. „Вѣдь Россія можетъ гордиться такими людьми, вышедшими изъ низшихъ классовъ и достигшими серьезнаго образованія. Жаль, что такая сила, вмѣсто того, чтобы приносить реальную пользу, отвлекается въ сторону утопій. Россіи нужны такіе люди, они нужны деревнѣ", восклицаетъ патетически господинъ бюрократъ и заявляетъ, что его собесѣдникъ можетъ, если желаетъ, получить субсидію для

*) Не слѣдуетъ удивляться такому сопоставленію Витте и Лассаля: у насъ даже многіе прогрессивные экономисты съ большимъ трудомъ отличаютъ, гдѣ кончается Лассаль и соц.-демократія и гдѣ начинается полицей-соціализмъ.

подготовки къ экзамену на школьнаго учителя и правительство доставитъ ему хорошее мѣсто въ деревнѣ. Когда рабочій, на всѣ эти заявленія, попросилъ коротко и ясно указать ему, почему его держатъ подъ арестомъ, не передавая его обвинительной власти, то получилъ опять въ отвѣтъ, что онъ уличается въ знакомствѣ съ подозрительными людьми, а „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты“ — весело заключилъ полиціантъ. „Но вѣдь это только пословица, а не юридическій доводъ“, отвѣтилъ арестованный. „Ну, закончилъ бесѣду полиціантъ, какъ чистый матеріалистъ, вы хорошо знаете, что Macht ist Recht“*).

Въ этой подлинной бесѣдѣ, по нашему мнѣнію, отразились нѣкоторыя черты тѣхъ отношеній между самодержавнымъ правительствомъ и рабочимъ движеніемъ, которымъ придется выступить наружу въ большихъ размѣрахъ по мѣрѣ развитія послѣдняго. Будутъ заговаривать ласковымъ тономъ, будутъ стараться отвлечь рабочаго отъ политики и пытаться эксплуатировать въ пользу бюрократіи его вражду къ буржуазіи, будутъ стараться разсорить его съ „утопистами“, рисуя непосредственныя матеріальныя выгоды отъ подачекъ якобы внѣ классовъ стоящаго царизма.... и, когда все это окажется безполезнымъ, рабочій, въ отвѣтъ на свои серьезныя требованія, услышитъ: „Macht ist Recht“. И убѣдившись въ этомъ, онъ съумѣетъ свое „право“ сдѣлать „силой“.

V.

Политическое значеніе русскаго рабочаго движенія.

Весьма возможно, что тактика, которую мы ведемъ въ настоящее время, не вызоветъ къ себѣ симпатій многихъ сторонниковъ русской революціи. Люди, сочув-

*) Сила есть право.

ствіе которыхъ интересамъ пролетаріата и дѣлу соціализма не подлежитъ сомнѣнію, могутъ съ недовѣріемъ отнестись къ тѣмъ формамъ борьбы, которыя занимаютъ главное мѣсто въ нашей дѣятельности; если наше правительство, дѣйствительно, декретируетъ въ ближайшемъ будущемъ сокращеніе рабочаго дня, то это недовѣріе должно будетъ усилиться: у многихъ революціонеровъ возникнетъ опасеніе, что соціальдемократія, направляя главныя усилія къ расширенію борьбы за экономическія улучшенія, какъ бы санкціонируетъ временную законность самодержавія въ глазахъ рабочихъ. Не будетъ-ли среди послѣднихъ укрѣпляться мысль о возможности веденія классовой борьбы и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя доставляетъ современный политическій строй? Не должны-ли мы, напротивъ, проводить идею, что малѣйшее улучшеніе положенія рабочихъ можетъ быть достигнуто лишь послѣ сверженія деспотизма? И не облегчаемъ-ли мы послѣднему возможность балансировать съ успѣхомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, какъ онъ до сихъ поръ балансировалъ между этой послѣдней и дворянствомъ? Не замедляется-ли такимъ образомъ наступленіе часа расплаты за его безчисленные грѣхи?

Въ основѣ такихъ и подобныхъ опасеній лежитъ, какъ намъ кажется, неправильное пониманіе характера русскаго абсолютизма. По традиціонному предразсудку русскихъ демократовъ онъ представляется сравнительно независимой отъ классовыхъ вліяній самодовлѣющей политической организаціей, которая, при случаѣ, подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, можетъ по произволу играть соціальной политикой и отрѣшиться отъ исключительнаго покровительства высшимъ классамъ.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ „доброй волѣ" современныхъ русскихъ правителей, въ случаѣ надобности, пошарлатанить въ виду „успокоенія" рабочаго класса, не сомнѣваемся въ томъ, что подобныя попытки будутъ дѣлаться. Только, какъ марксисты, мы хорошо знаемъ, что не всякая „возможность" является истори-

чески осуществимой и что историческая подкладка той или иной политической системы ставитъ тѣсные предѣлы ея способности приспособляться къ новому соотношенію соціальныхъ силъ, отличному отъ того, которое обезпечивало ея устойчивость. Въ частности, престарѣлое самодержавіе Романовыхъ обладаетъ гораздо меньшею упругостью въ этомъ отношеніи, чѣмъ, напр., авантюристская имперія Наполеона III, и намъ не приходится бояться, что мало развитой политически рабочій классъ найдетъ въ какомъ-нибудь Витте укротителя, который усыпитъ его политическое сознаніе шарлатанскими утопіями государственнаго соціализма. Напротивъ того, мы полагаемъ, что вся дальнѣйшая исторія русскаго рабочаго движенія будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей разложенія тѣхъ основъ, на которыхъ держится царизмъ.

Когда въ прошломъ году разразилась стачка петербургскихъ рабочихъ, то, какъ разсказывается въ правительственномъ сообщеніи, петербургскій градоначальникъ самолично уговаривалъ рабочихъ подчиниться существующимъ законамъ и объяснялъ, что чего-либо они добьются лишь въ томъ случаѣ, если мирно обратятся къ правительству съ изложеніемъ своихъ нуждъ.

Каковъ же путь этихъ обращеній, рекомендуемыхъ правительствомъ? Очевидно, петиціи, касающіяся ближайшихъ интересовъ рабочихъ. Не знаемъ, насколько искренне совѣтовалъ г. градоначальникъ это средство, но знаемъ одно: что этотъ совѣтъ, если онъ будетъ принятъ къ свѣдѣнію и исполненію, очень мало утѣшенія доставитъ правительству.

Право петицій есть конституціонное право, и этого права совершенно лишены русскіе граждане. Единственная, допускаемая русскими законами форма обращеній къ правительству, это — ходатайства сословныхъ учрежденій и органовъ самоуправленія, т. е. учрежденій, представляющихъ категоріи собственниковъ (земства и городскія думы); при этомъ строго ограниченъ кругъ вопросовъ, могущихъ быть предметомъ петицій, и ини-

ціаторы земскихъ петицій 94-95 гг., говорившихъ объ ограниченіи самодержавія, подверглись административной карѣ. Въ русскомъ политическомъ строѣ рабочіе не имѣютъ ни одного органа для представительства своихъ хотя бы мелкихъ интересовъ. Рабочіе стоятъ совершенно внѣ „pays legal"*), и ихъ обращенія съ требованіями или хотя бы съ „просьбами" о своихъ нуждахъ носятъ неизбѣжно незаконный характеръ. Въ лицѣ генерала Клейгельса русское правительство показало, что извѣстныя условія могутъ его вынудить „предпочесть" этотъ нелегальный актъ болѣе непріятнымъ, нелегальнымъ же дѣйствіямъ, какими являются забастовки. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе. Пролетаріатъ не можетъ монополизировать ни одного политическаго права; фактическое завоеваніе имъ этого права возбудитъ, безъ сомнѣнія, во всѣхъ недовольныхъ слояхъ общества требованіе распространенія этого права на всю націю. Слѣдуетъ полагать, что правительство сознаетъ эту опасность, и мы не думаемъ, чтобы слова ген. Клейгельса означали, что оно сразу санкціонируетъ этотъ способъ заявленія рабочими своихъ нуждъ, но мы убѣждены, что очевидная необходимость заставитъ правительство противъ воли примириться съ меньшимъ зломъ. Такимъ образомъ, рабочее движеніе первыми своими успѣхами должно будетъ вызвать значительное усиленіе политическихъ притязаній остальныхъ недовольныхъ слоевъ и будетъ дѣйствовать революціонизирующимъ образомъ на всю политическую атмосферу страны. Нѣкоторое подтвержденіе этого мы находимъ въ одномъ изъ недавнихъ событій. Упадокъ русскаго дворянства сопровождается возникновеніемъ въ немъ аграрной оппозиціи, недовольной тѣмъ предпочтеніемъ, которое царизмъ оказываетъ крупной промышленной буржуазіи. Недавно происходило собраніе дворянъ Саратовской губ., на которомъ это недовольство выразилось очень ярко. Пылкіе ораторы негодовали въ своихъ

---

*) Области законныхъ правъ.

рѣчахъ на пренебрежительное отношеніе правительства къ „бѣдствіямъ“ дворянства и распространялись на ту тему, что съ паденіемъ дворянства легитимная монархія потеряетъ подъ собою почву. По предложенію этихъ ораторовъ дворянство постановило ходатайствовать о различныхъ льготахъ и въ томъ числѣ о безпрепятственномъ устройствѣ союзовъ для защиты аграрныхъ интересовъ, „подобно тѣмъ, которые устраиваются промышленниками и *рабочими*“. Эти послѣднія слова очень знаменательны. Правительство могло бы отвѣтить иронически, что если гг. дворяне желаютъ такихъ союзовъ, какіе устраиваются рабочими, то они должны помириться и съ тѣми карами, которыя постигаютъ учредителей такихъ союзовъ. Саратовскіе дворяне разсуждаютъ такъ, какъ будто русскіе рабочіе уже пользуются правомъ союзовъ. Эта курьезная ошибка не лишена пикантности: очевидно, рабочее движеніе обратило на себя вниманіе и этихъ господъ, и они вообразили, что правительство какъ бы терпитъ тѣ организаціи, которыя оно не можетъ истребить. Очевидно, если какія-нибудь уступки будутъ дѣйствительно сдѣланы правительствомъ, то и въ этомъ реакціонномъ классѣ явится тенденція потребовать распространенія и утвержденія добытаго рабочими права и на остальные классы. Историческія условія сдѣлали рабочій классъ у насъ единственнымъ борцомъ за политическую свободу, и ему предстоитъ играть ту роль, которая въ передовыхъ странахъ Западной Европы выпала на долю буржуазіи. Съ другой стороны, русская буржуазія въ своей массѣ не такъ беззавѣтно предана самодержавію, чтобы не перейти въ либеральный лагерь, если оно перестанетъ защищать ея интересы отъ всякихъ посягательствъ со стороны рабочаго класса; съ той минуты, когда правительство будетъ вынужденно предотвратить бурное развитіе рабочаго движенія мѣрами „соціальной политики“, его престижъ въ глазахъ буржуазіи станетъ падать. Поэтому, одно введеніе нормальнаго рабочаго дня законодательнымъ путемъ, совершенное подъ вліяніемъ ста-

чекъ, должно будетъ сильно дискредитировать царизмъ въ глазахъ буржуазіи.

Но, быть можетъ, правительство вовсе не проявитъ склонности къ уступкамъ. Мы думаемъ, что его политика будетъ колебаться, но что систематически-упорнаго противодѣйствія требованіямъ рабочихъ отъ него нельзя ждать. Ростъ оппозиціоннаго движенія среднихъ классовъ заставляетъ его сильно бояться черезъ-чуръ раздражить рабочихъ. А опасенія, что уступки поведутъ къ *ослабленію его престижа* и *могущества*, въ свою очередь, не дадутъ ему быть послѣдовательнымъ въ этихъ уступкахъ и лишь обострятъ вражду къ нему обѣихъ сторонъ.

Можно безошибочно предсказать русскому правительству въ ближайшемъ будущемъ неустойчивую, двойственную и въ глазахъ всѣхъ двуличную политику*).

Такимъ образомъ, рабочее движеніе должно разрушительно дѣйствовать на *ту* обстановку, въ которой чувствовало себя сильнымъ и было сильно русское самодержавіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *борьба за короткій рабочій* день и другія матеріальныя улучшенія будетъ сопровождаться ростомъ классового самосознанія русскаго пролетаріата, накопленіемъ въ немъ революціонныхъ элементовъ и ихъ организаціей. Задачей соціальдемократовъ является слѣдовать за этимъ процессомъ, идти ему на встрѣчу пропагандой соціализма и положительной политической программы. Всякая уступка правительства будетъ облегчать нашу дѣятельность. Законодательное сокращеніе рабочаго дня создастъ намъ легальный *поводъ для широкой агитаціи о фактическомъ* проведеніи этого закона, который будетъ исполняться лишь тамъ, гдѣ рабочіе принудятъ къ тому капиталистовъ, ибо предшествующая политика правительства

*) Таково было поведеніе правительства во время нѣкоторыхъ стачекъ прошлаго года. Требованія отъ хозяевъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не уступали, чередовались съ давленіемъ на нихъ въ противоположномъ смыслѣ и раздражали самихъ фабрикантовъ.

превратила фабричную инспекцію въ покорное орудіе капиталистовъ и въ полицейскій органъ*).

Такимъ образомъ, самъ собою выдвигается вопросъ о преобразованіи фабричной инспекціи и ея превращеніи въ практическій органъ защиты фабричнаго законодательства. Учащеніе конфликтовъ всякаго рода между рабочими и капиталистами будетъ развивать въ первыхъ сознаніе важности права коалицій, и не далеко то время, когда мы сможемъ выставить это требованіе предметомъ борьбы для даннаго момента.

Каждый шагъ въ рабочемъ движеніи будетъ соотвѣтственно отражаться на ростѣ либеральной оппозиціи, а этотъ ростъ, въ свою очередь, будетъ облегчать рабочимъ достиженіе ихъ требованій. Долго-ли сохранитъ, при такихъ условіяхъ, русскій царизмъ свой византійски-монгольскій обликъ? — Это зависитъ отъ многихъ причинъ, которыя трудно предусмотрѣть, между прочимъ, и отъ степени искусства руководителей его внутренней политики, которые могутъ такъ или иначе продлить на время его существованіе. Одно лишь несомнѣнно, что классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей не допускаетъ сохраненія тѣхъ политическихъ формъ, которыми доселѣ опредѣлялись отношенія гражданъ къ правительству; что эта борьба уже теперь разрываетъ эти формы и рабочее движеніе подтачиваетъ ту основу, на которой красуется гордое зданіе абсолютизма.

Русскіе марксисты не принадлежатъ къ числу чрезвычайныхъ оптимистовъ. За границей уже нерѣдко слыхали отъ русскихъ революціонеровъ, что „у насъ все

*) Въ 1895 году на фабричную инспекцію возложена обязанность самостоятельно возбуждать обвиненіе противъ всякаго рабочаго, нарушившаго договоръ, хотя бы фабрикантъ не предъявлялъ обвиненія. На основаніи этого постановленія виленскій фабричный инспекторъ осенью 1895 г. привлекъ къ суду 69 рабочихъ-евреевъ и судъ ихъ приговорилъ къ двухънедѣльному аресту. Въ началѣ 1896 г. министръ Витте издалъ циркуляръ, возлагающій на фабричныхъ инспекторовъ обязанность „запоминать лица и фамиліи“ тѣхъ рабочихъ, которые являются съ жалобами на хозяевъ и, разумѣется, сообщать эти свѣдѣнія политической полиціи

уже готово“ что царизмъ находится при агоніи.... Ахъ, люди такъ страстно стремились къ этой побѣдѣ, существованіе царизма казалось такой чудовищной нелѣпостью, что невольно вѣрилось въ ближайшую кончину этого монстра.

Русскіе соціальдемократы не убаюкиваютъ себя надеждами на легкую побѣду надъ абсолютизмомъ; они знаютъ, какія трудности ждутъ ихъ на этомъ пути, и на самое низверженіе царизма они смотрятъ не какъ на дѣло одного момента, а какъ на долгую, систематическую борьбу. Они знаютъ, что стоятъ еще въ самомъ началѣ пути, но за то они знаютъ, что на этотъ путь они стали твердой ногой и, ощущая за своей спиной огненное дыханіе классовой борьбы, сознаютъ свою силу.

„Сегодня, или не скоро, быть можетъ, никогда!“ — таковъ былъ лозунгъ прежнихъ революціонныхъ дѣятелей, идеологовъ-революціонеровъ. „Сегодня“ проходило, не принося побѣды, наступало печальное „завтра“, напряженіе всѣхъ силъ смѣнялось упадкомъ духа, и передъ глазами разбитыхъ борцовъ носились зловѣщія слова: „ Lasciate ogni speranza!“*)

Русскіе соціальдемократы готовятся къ долгой, все усложняющейся борьбѣ, и ихъ девизомъ является: „И сегодня, и завтра — до самаго конца“. Мрачная ночь самодержавнаго режима еще всецѣло паритъ надъ нашей страной, но уже раздалось пѣніе первыхъ пѣтуховъ, предвѣщающее неизбѣжное наступленіе утра.

*) Оставь всякую надежду.